

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПАРАЛЛЕЛИ PARALELĒS

LITERATŪRINIS GROŽINIS ŽURNALS

МАЙ' 2008

Проект реализован при финансовой поддержке ЕС.
The project is being realised due to financial support of EU.
Projektas realizuotas ES finansinės paramos dėka.

Главный редактор
Вячеслав КАРПЕНКО
e-mail: v.karpenko@mail.ru

Редакционная коллегия
Римантас Черняускас
первый зам. главного редактора
e-mail: rimischerry@gmail.com
Валентина Соловьева
зам. главного редактора
Арвидас Юозайтис
Валерий Голубев

Обозреватели

Олег Глушкин
Игорь Белов

Компьютерная вёрстка

Алексей Попов

Корректор

Ольга Малышева

Фоторедактор

Валентин Черноухов

Адрес редакции

Россия, Калининград, ул. 9 апреля, 5

Литва, Клайпеда, ул. Аукштое, 9

Тел/факс:

В Калининграде: (+4012) 737 556

В Клайпеде: (+37046) 410 476

Автор проекта «Балтославия»,
координатор Валентин Черноухов

тел. (+7) 906 237 18 98

e-mail: kpenc@mail.ru; baltoslav@mail.ru

Тираж 900 экз.

Подписано к печати 20.02.2008

ISBN 5-901194-29-2

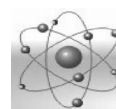
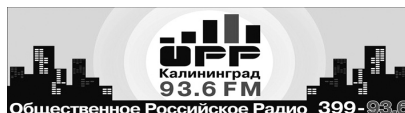
Все авторские права защищены

Авторам должно сметь своё суждение иметь

*При перепечатке и цитировании
ссылка на «Параллели» обязательна*

Наши партнеры:

*Калининградская городская библиотека им. А.П. Чехова
Зеленоградская городская библиотека*

КИТЦ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
INTERNATIONAL FEDERATION OF RUSSIAN - SPEAKING WRITERS

Партнеры проекта “Балтославия”:

- РОО Калининградский ПЕН-центр
- Клайпедское отделение СП Литвы

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора.	4
<i>Семинар-пленер. Дебюты</i>	
<i>Проза</i>	
Денис Матюшкин. В метель.	5
Алексей Попов. Ненаписанное.	7
Герда Куршайтите. Мотыльки.	11
Дмитрий Григорьев. Перешагивая боль.	12
<i>Поэзия</i>	
Агне Климавичуте.	16
Светлана Сергачева.	19
Ева Мария Рейкалите.	
<i>Параллели</i>	
Юрате Сучилайте.	23
Анатолий Бахтин. 3-я мировая (повесть, начало).	25
Нийоле Кяпенене. По смерти каждому (стихи).	38
Александр Жалис. Стихи.	42
Алоизас Каждайлис. Основы бомжелогии (глава из романа).	44
Наталья Горбачева. Bella Анна (стихи).	45
Борис Бартфельд. Стихи.	48
<i>Ушли, чтобы вернуться</i>	
Паулюс Древинис. Стихи.	52
Владимир Корниенко. Стихи.	55
<i>Юбиляры</i>	
Вячеслав Карпенко. Год лошади (рассказ).	62

Мир меняется на наших глазах. Мы – те люди, которые переписали историю, расчертив мировую карту бывшими и несуществующими (Приднестровье) государственными границами. Мы – те, кто жили и в одном, и в другом тысячелетии. Другие такие придут через тысячу лет. Если придут... Государства объединяются в союзы и вновь разъединяются по религиозным, культурным, национальным различиям; стираются одни границы – мы немедленно устанавливаем другие. Открытость и нетерпимость ходят рядом друг с другом. Мы хотим открыться соседям, говорить друг с другом, но договариваемся ли?

В этом апреле в Зеленоградске прошла серьёзная и необходимая международная конференция, приглашающая открыть в этом курортном городке международный дом писателей и литераторов. Интересно то, что эту идею предложили не политики, власть имущие или другие функционеры, а ученики школ и местные библиотекари. Молодёжь хочет видеть в своём городе писателей со всей Европы – Германии, Польши, Литвы, Франции и т. д. Молодёжь гордится историей своего города и известными писателями, которые были здесь – Т. Манном, Ю. Бобровским, Н. Зудерманном, А. Сурминским, Ю. Ивановым. Современные писатели приедут в любой город. Непонимание начнётся с названия города.

Литовцы этот город всегда называли Крантас*. Это было окончанием Куршской косы, началом твёрдого континента, местом, где кончается царство песка, местом, где кончается Куршский залив и начинается твёрдый берег. А берег – это постоянство и твёрдое основание под ногами – почти в двадцати километрах был уже Город Царей, столица жителей того края. Немцы названия городка почти не изменили – Cranz. Так же, как и названия многих балтийских городков – Тильже, Рагайне, Сталупенай. А ведь имя города или населённого пункта имеет древние исторические корни и может многое рассказать о своём крае, населяющих его жителях и их обычаях.

О чём же нам расскажет Зеленоградск? О том, что здесь много зелени, старых парков, лесов? Что сохранено старинное наследие?

Об этом довольно точно пишет во 2 номере «Параллелей» молодой калининградский прозаик А. Артамонова. О зелёной вилле возле пляжа с выбитыми окнами и фанерой заколоченными дверями. Возможно, в том доме когда-нибудь, после ремонта, возникнет писательский штаб... Город ждёт писателей. Однако литовцы поедут в Крантас, немцы в – Cranz, а французы? Счастье ещё, что писатели в состоянии найти общий язык. Даже тогда, когда переводят творчество друг друга. А ведь это самое большое культурное приключение и авантюра. Как, например, и наш двуязычный журнал «Параллели».

Римантас ЧЕРНЯУСКАС
Перевод с литовского Clandestinus

* по-литовски «берег» (прим. перев.)

Очередной семинар-плер писателей, поэтов и фотохудожников в рамках проекта «Балтославия» прошел в Клайпеде. Десять дней молодые творцы из Калининградской области и Клайпеды общались друг с другом, посещали художественные галереи и выставки, а вечерами спорили о творчестве и – как полагается в таких случаях – о фундаментальных проблемах Мироздания.

В рамках этого семинара многие молодые авторы смогли соприкоснуться с новой для себя работой переводчика. Калининградские

и клайпедские писатели учились переводить друг друга. Учились переводить, воспринимая не только буквы – пусть складывающиеся в слова – но и сам дух, стоящий за литературой, написанной на ином языке и являющейся частью иной культуры; учились понимать текст, рожденный в иной понятийной и ассоциативной базе – и перекладывать его суть на свой родной язык. В этом номере журнала переводы, сделанные в рамках семинара, представлены наравне с собственными произведениями участников «Дебютов».

Денис МАТЮШКИН

В метель

Он сидел в своей комнате, в своей квартире, на своем подоконнике и смотрел на белый город. Смотрел на то, как падал снег и все больше и больше погружал город в белое забвение. Смотрел, как бегут люди, поднимая повыше свои воротники, спотыкающиеся, вязнущие в сугробах. Смотрел и на снегоборочную машину, что завязла в снегу от собственного бессилия перед подобным ненастьем. Он сидел и смотрел на это тихое безумие из окна своей квартиры, со своего подоконника.

Время было к вечеру, люди шли домой после трудового дня. Городок, в котором все друг друга знают. А если нет, то обязательно найдутся общие знакомые. Отвратительно. Вот встречаешь человека впервые, знакомишься, а на следующее утро об этом говорят уже все и смотрят на вас, как на друзей или врагов. Публика тут сама решала, кто кому подходит и в какой роли. Тут? Ему казалось, что хуже, чем в этом, Богом забытом месте, и быть не может. Называть это место присвоенным ему именем ниже своего достоинства, да и просто тошнит. Пусть жители городка гордятся тем, откуда они родом, пусть. Это место для них. И большая ошибка, что он сидит тут и даже думает об этом всем, что именовать хочется лишь наречием «здесь».

Как бы то ни было и как это не прискорбно для него, он застрял здесь еще с детства. И так получилось, что жить есть где, и живет он один. Не бедно, не богато. Просто живет. Сожалея временами перед окном о настоящем и размышляя о возможных его вариантах. Так было, по крайней мере, до сего момента. Да, кусок хлеба получалось доставать до

поры до времени. Теперь же остались только долги, и в карманах свистел ветер. Впрочем, как и за окном, где еще к тому же было чертовски холодно и куда придется сейчас отправиться.

Раздался телефонный звонок. Он неохотно слез с насиженного места и пошел поднимать трубку. Мерзкий голос «приятной молодой девушки», до безумия самодовольный, сообщал, что скоро придет новый покупатель и квартира должна быть свободна как от прежнего владельца, так и от его личных вещей. Мебель было дозволено оставить. После сего она сказала отвратительно-затейливое «приятного вечера» и положила трубку, не дожидаясь ответа. Да и чего там дожидаться. Он, последовав ее примеру, положил трубку и, вздохнув полной грудью, подошел к окну.

Там, за окном, все так же спешили люди. Согнувшись, сгорбившись, ссутулившись, укутавшись в уже белые от снега куртки и пальто, бежали по своим домам. Он замер еще на мгновение, затем уж было решился развернуться и покинуть насиженное место, но взгляд привлек отдаленный силуэт. Знакомый и заставлявший его сердце биться чаще. Пожалуй, из всех сторонних скудоумных мнений и взглядов, что касались его самого, мнение о нём и приближающемся силуэте было единственным, которое он был бы рад принять. Он замер перед окном еще на мгновение.

Тем временем силуэт приобретал всё более четкие очертания. Это была девушка лет двадцати пяти. Длинные ее волосы спутались от ветра и представляли собой шерстяной клубок снега.

Несмотря на это, она по-прежнему была ужасно обаятельна. Время от времени она останавливалась под навесом или рекламной вывеской, стряхнув с себя липкий снег, дожидаясь, пока спадет очередной порыв ветра, и снова пробиралась по заснеженной улице. Боже, ее упорству можно позавидовать. Вопреки всему она шла против ветра, против течения людей. Да, ее дом был просто в другой стороне городка, не там, где жила её основная часть. Но как девушка была великолепна. Как она умудрялась оставаться женственной и мужественной в этой суровой метели всем мужикам на зависть? И хотя в снежной канители никто на нее не обращал внимания, все точно завидовали ей.

Что же, оторвав от неё взгляд, он, собравшись с силами, подошел к входной двери, открыл ее и вышел. Путь его лежал на вокзал, билет на поезд лежал в кармане, и ему было по пути с основной массой народа. Он оглянулся в сторону, куда шла она и смотрел ей прямо в спину. Все дальше и дальше мерными шагами она уходила от его взора. Догнать и попрощаться? Но ведь спросит, почему все так. И что ответить. Нет, он решил не огорчать ее. Он просто стоял и смотрел ей вслед. Стоял и вспоминал, как она улыбалась ему в ответ, как задорно смеялась и как кокетливо наговаривала на себя, желая услышать лестные комплименты. Нет, это не та пошлая лесть и не та пошлая игра кокетки. Это все было искренне, они оба верили в каждое слово, что говорили в тот момент, а в следующий момент признавались друг другу, что сами себе противоречат. Их беседа была игрой детей – чистых душой, непорочных и наивных. Детей, что забывали про время, увлекаясь игрой...

Но время шло, и он, пересилив себя, цепляясь за свою ненависть к этому месту, как за последнюю соломинку утопающий, отвернулся и пошел на вокзал. Впереди сутки пути в деревню к родителям, которые вряд ли его ждут. Объяснения с вечно пьяным отцом и встреча с матерью, о которой он даже не знал, жива ли она.

На вокзале уже стоял поезд. Оставались последние пять минут посадки и сутки пути, да еще как-то надо добраться до дома. Как, он и сам не представлял, и представлять сегодня не собирался. Надеялся разобраться на месте.

Войдя в поезд №193, вагон девятый, он нашел свое место и расположился поудобнее. В плацкарте с ним еще ехало четыре человека. Молодой человек, который сидел у окна, читал что-то бульварное какого-то модного автора, при этом явно представлял себя на месте главного героя, так как с каждой прочитанной строчкой лицо его приобретало мерзкий самодовольный оттенок. Молодая мать с маленьким ребенком. Ей явно не хватало опыта в обращении с детьми. И, видимо, её муж,

лет пятидесяти. Он брезгливо поглядывал на плачущего ребенка и сквозь зубы упрекал ее за беспомощность, на что она всячески оправдывалась, начиная всякий раз свое обращение к нему со слов «Дорогой, ну я же...».

Дорога предстояла долгая, а от напыщенного самодовольного молодого человека и новомодной семейки затошнило уже в первые пять минут. Он направился в вагон-ресторан, где нашел лишь буфетчицу и проводницу. Они с удовольствием сплетничали. Он заказал чего-нибудь горячего и сел поодаль.

Конечно, их колющие взгляды сверлили спину, пробирали до костей, а злые языки уже спешили оговорить. Он не слышал ни слова, но знал точно, что это так. Уже изрядно проголодавшись, он принялся за «горячее»: макаронную кашу и пережаренные котлеты. Он расковырял котлету. Впрочем, голод его уже не волновал. Он просто копался в тарелке и думал о своем.

К ночи, решив не возвращаться в свой вагон, договорился с буфетчицей, что останется тут, в закрытом вагоне-ресторане, перед своей тарелкой. Он снова вспоминал о той девушке. Вспоминал проведенные с ней дни, часы, минуты, вплоть до секунд. Думал, как нехорошо всё вышло и как замечательно могло бы все быть. С горечью понимал, что уже ничего не вернуть, но все же надеялся найти путь в будущее, вернуться и сказать обо всем, что не успел, на что не решался, ведь он даже не знал, что их общение так скоро и нелепо оборвется. Подумал и о том, как устал от всего, что хотел бы покоя. Подумал, что готов даже Бога просить об освобождении от всего насущного, что так приелось...

Устроившись на жесткой скамье, проверил карманы и обнаружил, что забыл свои документы в конторе по продаже недвижимости. С досадой сплунул, прилег на скамью и заснул.

А на следующее утро в том самом городе та самая девушка, перед работой, как обычно, села почитать ежедневную газету. На первых страницах был репортаж об ужасной трагедии, что случилась в эту ночь с поездом №193. Из-за погодных условий машинист не видел пути и не снизил скорость на повороте, и поезд сошел с рельсов, погибло много людей. Также было написано и о погибшем молодом пассажире без документов, чью личность до сих пор не удалось установить. И еще много о чём.

Отбросив газету, она собралась и пошла на работу, предвкушая встречу с тем, кто был ей здесь роднее всех. Кому боялась сказать, как он ей дорог, и кого ценила больше всех. К тому же, метель прошла и теперь бы, весело болтая, было бы вдвойне приятно идти вдвоем против угрюмой толпы...

Алексей ПОПОВ

Ненаписанное...

* * *

Маленький тучный полковник, одетый в ужасно сидящий на нем мундир Министерства юстиции, внешним видом своим походил более всего на медведя коала, а от того ужасающие мысли, изрекаемые им, совершенно лишались смысла, воплощаясь в виде звуковых колебаний. Пенсне в неудобной металлической оправе, судя по всему, сжимало ему переносицу, и каждые две или три минуты он делал паузу в своей речи для того, чтобы сперва сдвинуть его вперед, а затем поймать в воздухе каким-то порывистым, птичьим движением (тем более смешным в исполнении медведя)

— потому как, будучи сдвинутым, оно незамедлительно сваливалось прочь.

Водрузив его обратно, полковник словно пробуждался от короткой дремы, в состоянии которой производил все предыдущие действия, обводил окружающих цепким взглядом и вновь принимался монотонно бубнить.

Со всем буйством убогой своей фантазии пытался он угрожать бессмертной душе моей прекращением жизнедеятельности организма...

Мата Хари

«В окопах невидимого фронта», неизд. с.108

* * *

«Два полюса, два полюса, не существующие на самом деле, дают возможность существовать миру, - лихорадочно думал он, - лишь напряжение, лишь ток, возникающий между ними, способны мы воспринять, и лишь это напряжение есть наша реальность...»

Девушка потянулась и устроилась поудобнее. Она сидела в ногах у него, подняв вверх лицо, показавшееся ему в этот миг совершенно расслабленным и умиротворенным. Оно совершенно разгладилось, и малейшая тень печали или озабоченности оставила его.

«И вся наша жизнь, - с пугающей его самого остротой подумал он, прикрыв от этой неожиданной догадки глаза, но продолжая наблюдать за происходящим вокруг через неплотно сомкнутые веки, - все наше полное тщетных попыток изменить мир существование есть только стремительный полет меж двумя полюсами; полет, который мы даже не в силах направить, ибо направляется он все тем же током, течением, движущие силы которого лежат как вне нашего восприятия, так и вне самого нашего мира... И всякая попытка сопротивления... более того, всякая попытка осмысления этого положения вещей будет незамедлительно пресечена

самими жизненными обстоятельствами, как если бы перо, несущееся по воле ветра, попыталось само определить и направление, и цель своего полета, но было бы увлечено все тем же воздушным потоком...»

Девушка мягко улыбнулась ему, приоткрыла губы и наклонилась, не опуская при этом глаз. Легкое касание ее языка прервало ход мыслей, и он почувствовал, как что-то важное, что-то необыкновенно значимое покидает его, лишь едва задев самым своим краем. И бездна мироздания раскрылась перед ним, заставив зажмуриться от страха, но была она вовсе не холодной пустотой, а мягкой и удивительно теплой, и он оказался там, и увяз в этой бездне, и острое чувство, порожденное этим слиянием, пронзило его, когда весь он устремился наружу, теряясь, развоплощаясь и растворяясь...

«Главное, - думал он, торопливо одеваясь, - успеть проскочить обратно во дворец через Северные ворота, пока стража не сменилась. А то долбанут алебардой по башке - и спросить забудут, кто шел...»

Цезарь Борджиа (неизд. в серии «Жизнь замечательных людей»), М., 1934, стр. 208

* * *

Это просто какое-то наваждение - когда ни беседа с верными друзьями, ни даже дело, которому отданы столь долгие годы, не способны отвлечь меня от простого, в принципе, образа. И не столько от образа даже, поскольку ее лицо вовсе не маячит перед моими глазами, сколько от ощущения, возникшего в тот краткий миг, когда она едва обмякла в моих руках, и ясно стало - что вопреки мыслям, владевшим ей

секунду назад, вопреки всему, чем жил я - Я сам! - я могу поднять ее сейчас, и ноша эта будет легче, чем любая иная, но, подняв, ее уже нельзя будет опустить иначе, как по собственной ее просьбе, которая может и не последовать никогда.

Я знаю, что те, кто способен понять меня, никогда не поднимут меня на смех; мнение же остальных мне совершенно безынтересно, и таким образом я имею

благу возможность, которой лишено подавляющее большинство – я могу быть собой; однако же я не нахожу в данный момент никакого проку в том.

Не беда, давно уже не беда моя, но особенность, налагающая свой отпечаток на все, со мною и моей жизнью связанное, в том, что я слишком давно умер. И теперь я стою на краю могилы, в которую так и не лег – не лег исключительно в силу дурного своего характера, как понимаю я с годами, а вовсе не из-за высших промыслов, которым дела до меня не было, думаю, прежде, и всяк уже нет теперь. Но стою не с той стороны, с которой доведется хотя бы раз встать всякому живущему под Солнцем. И самое неприятное, как начинаю я понимать, именно в том, что я просто боюсь переступить эту черту – и боюсь, может быть, сильнее, чем боятся те, кому предстоит сделать шаг наружи – сюда.

Я мертв уже давно – пусть это и не мешает мне ходить меж живыми, встречать в их суетные проблемы или делать свои дела. Но страх мой перед невозможным, перед воскрешением – сильнее,

нежели их страх перед неизбежной и естественной, в общем-то, смертью. Я боюсь вдохнуть тот воздух, которым дышат живые – и ощутить запах его так, как ощущают они, я боюсь, что солнце (о, убогая фантазия писак, не понимающих антагонизма иначе, как борьбу простейших подобий) не скользнет по мне безразлично, а согреет своим лучом. Я боюсь услышать на рассвете пение птиц – не как звук, доносящийся с той или иной стороны, а как мелодию, касающуюся сердца. Я боюсь этого, и одновременно желаю. И вместе с тем я знаю, что рано или поздно, если только возьму я эту ношу, мне придется все-таки опустить ее – как бы легка она все еще ни была.

И эту жертву, принесенную с большей доброй волей, нежели любая иная, мне придется оставить навсегда, не имея возможности забрать ее с собой, возвращаясь на эту сторону – ибо то, что питает душу, не должно кормить плоть.

Влад Тсёпетч (Дракула)

«Записки постороннего», М., ЖЗЛ, стр. 158.

* * *

... Огромный котел на причудливо изогнутых ножках – признаться, я впервые видел в этом крае, казалось, не избалованном знакомством с обработкой металла, столь искусно исполненный предмет из потемневшей (то ли от времени, то ли от частого употребления столь обычным образом) бронзы – стоял на огне уже достаточно долго, и над ним курился пар, весьма ароматный от добавления трав, растущих в окрестностях деревни (ничего подобного я не встречал за все время нашего путешествия, и полагаю, что одна поставка их в Европу уже смогла бы окупить значительную часть расходов, связанных со снаряжением экспедиции). Станный туземный барабан, названия которого я никак не мог усвоить – назывался он, бог весть почему, даже на разных концах одной деревни по-разному – бил все чаще. Я подумал в этот момент, что барабан, видимо, первый из музыкальных инструментов, который открывают для себя примитивные племена. Капрал Томас, бывший до того момента без сознания, начал активно двигаться, видимо частично придя в себя. Я пишу «видимо» – ибо, будучи крепко связанным, лишен был возможности видеть его, положенного позади меня. Впрочем, я так и не услышал от него ни звука, хотя несколько раз окликал Томаса по имени.

Скоро резкие частые удары дополнились ритмичными выкриками – целый хор, скрытый от наших глаз зарослями кустарника, называемого местными жителями ю-ба, выкрикивал снова и снова одну и ту же фразу. И пусть выкрикивали ее разборчиво, но ее суть, смысл этих звуков начисто ускользали от нас, поскольку даже смутно знакомые слова имели непривычные окончания.

Наконец кусты дрогнули, и перед нами появился жрец – или шаман, колдун, как угодно – этого селения, На Н'цри'г'ви (сколь бедна письменность

европейцев, когда нужно передать звуки птичьего этого языка; впрочем, сами его изобретатели так и ограничились устной речью, предоставив задачу записи ее либо отдаленным потомкам, либо же путешественникам, вроде нас, достигшим более высокой ступени в своем развитии). Жрец держался торжественно и подчеркнуто официально. Он обратился к нам с длинной и, видимо, цветистой речью, произносимой, однако, на диалекте, который мне так и не удалось освоить в связи с отсутствием должного количества времени. Цва вместо ца, кря вместо кя, сюон вместо цон – казалось бы, малые отличия для небогатого словами языка, принятого на большей части этого острова, но на самом деле встречались они столь часто, что просто невозможно было пробиться через пелену непривычных звуков. Я пытался спросить его о судьбах бедняг Хинкса и Фатчетта (Ален, самый щуплый из всей нашей группы, так же, как и Томас лежал позади меня и, судя по всему, все еще был без сознания), но На Н'цри'г'ви так и не прервал своей тирады, а закончив ее, резко повернулся и вновь скрылся в зарослях ю-ба.

Часть сказанного, впрочем, удалось кое-как понять (в основном, признаться, потому что жрец – то ли от волнения, то ли в соблюдение неведомого нам ритуала, повторял некоторые фразы не единожды), и из части этой, по крайней мере, следовало, что нам предстоит принять участие в некоем важном ритуале, и что духи-покровители племени (каким-то не вполне понятным образом он относил к их числу и нас – но, возможно, я просто недопонял этот оборот) отметили нас по этому поводу некоей особой своей волей.

Джеймс Кук

«Второе плавание на «Резолюшен» вокруг света: в поисках Северного пролива», неизд., т. 2, стр. 206

О, из множества бесовских образов именно этот поистине ужасен: женщина с тонким станом и большой грудью, с тонкими пальцами и бесстыжими глазами, обещающими понимание, прощение и радость здесь и сейчас, прямо в этом мире, любому, кто пожелает принять их.

Стоит ли говорить, что в мире, где все мы – лишь недостойные твари, недостижимо далекие от Творца, но получившие возможность путем страданий и ограничений искупить хотя бы малую часть лежащего на нас греха и обрести надежду на спасение милостью Его – любое благо, не ниспосланное свыше, любая радость, полученная не от соприкосновения с Ним – греховны вдвойне. Они не только содержат свой собственный грех, но и отвращают от поиска спасения души, поскольку подменяют собой здесь, в этом мире, то, что можно лишь надеяться обрести за его гранью.

Те, кто обещает награду – берут на себя прерогативу Творца, ибо лишь он один волен миловать, прощать и дарить. Отпуская грехи именем матери-церкви, мы действуем не собственной волей, а лишь исполняем возложенное на нас служение, обещая посильное нам заступничество перед Творцом за душу того, кто готов признать свой грех и произнести слова раскаяния. Не можем мы и карать, ведь истинные Награда и Кара возможны лишь в Мире Вечном, и не могут быть назначены никем иным, кроме как Владыкой его. Поэтому непростительной гордыней будет возомнить, что дано кому-либо здесь право карать или милосерд-

ствовать – единственное милосердие, доступное нам, есть в том, чтобы отпустить душу, которой грозит гибель вечная, скорее на суд Творца, оставляя конечное решение, касающееся Вечной Жизни, на Его усмотрение и лишь моля Его непрестанно о снисхождении к заблудшим.

Людам здесь – даже тем лучшим и добрейшим из них, что окружают меня в последние годы – слишком трудно понять это. Враг же рода человеческого давно осознал в извечной злобе своей привлекательность искушений того самого рода, о котором веду я здесь речь. И, хотя тем только выше становится доблесть торжествующей добродетели, присутствие его ощущается ныне все явственней.

Ибо в последнее время всякий раз, оглашая суровый свой приговор, я понимаю, что вновь одержал победу над самим Дьяволом, осмеливающимся в гордыне своей искушать меня самого – так как ничем, кроме как демоническим искушением, не могу объяснить я странное желание, овладевающее мною все чаще. Желание объявить очередную испытываемую невинной, собственной своею волей освободить ее от стражи и, ограничившись лишь малой епитимьей, принять и ее как равную среди возлюбленных добродетельных сестер моих, дабы лично познать природу и силу предлагаемых ею даров.

Томас де Торквемада.

«Мое служение в борьбе с демоническими искажениями человеческого бытия во славу Святой Церкви и ради спасения человечества».

Неизд., стр. 201.

Я знаю, что сегодня вечером вновь выйду из парадного и возобновлю мое блуждание по Лондону – не столько бесцельное, сколько безрезультатное. Цель понятна и ясна – я все еще ищу ЕЕ на этих пустеющих стремительно с наступлением темноты улицах. Безрезультатное же от того, что несмотря на все мои усилия до сих пор поиски не увенчались успехом. Несколько раз казалось мне, что цель близка – я узнавал ЕЕ в повороте незнакомой головы; в движении руки, поправляющей выбившийся локон – порывистом в начале и плавном в конце его; в легком цокании каблучков по булыжнику – из-за угла, так, что сама фигура идущей не видна, и походка ее узнается лишь по ритму, воспринимаемому ухом.

Да, все эти разы завершились для меня разочарованием. Но на самом деле я знаю – то, что по отдельности встречалось мне во многих, непременно должно быть собрано где-то в одной. Таков закон природы, точнее, таков он должен быть – пусть даже и не познанный сегодня наукой. Это так же верно, как и то, что каждый мужчина любит в жизни своей только одну-единственную женщину. Любит ее прежде, чем встретит – и лишь от уров-

ня развития его зависит, осознает ли он сам факт поиска, либо блуждает по жизни с погруженным во мрак разумом, бросаясь на тени, скользящие по краю сознания, принимая часть за целое и от того вынужденные разрываться между несколькими почти идеалами – до тех пор, пока не сложат рук и не смирятся с имеющейся участью. Однако смиряясь, он на самом деле совершает самое страшное предательство, ибо его женщина, не будучи встречена им, обречена на мучительное существование, лишенное счастья и даже просвета, ибо только энергия мужчины может дать ей наполнение, направление движения и тем самым – обеспечить цель существования ее.

И какие бы трудности ни ставила передо мной Судьба, я понимаю главное: наличие на пути моем частей есть лишь Знак существования Целого. И скромные, но неустанные труды мои, посвященные исследованию этих разрозненных Частей позволят мне – рано или поздно – обрести Единое во всей красоте и целостности его.

Джек. «Под покрывалом Ночи»,

Не издано в Лондоне, 1913 г., с. 174.

Будучи рожденной женщиной, я приняла свою участь – служить, согревать и поддерживать силу в Том, кто сотворен мне в дополнение – или же, точнее будет сказать, дополнением к кому создана Я. И пусть отдавала я себя не единственному – но каждый, кто приходил ко мне, получал сполна ту часть, что мог он принять. Каждому была я открыта целиком – и моя ли вина в том, что могли они воспользоваться лишь частью доступного целого? Весь опыт моей жизни состоял в познании мужчин. Разных – уверенных в себе и робких; мужчин, приходивших ко мне украдкой и входивших без стеснения; ищущих ласки или стремящихся обладать и лишь в обладании этом находивших себя; мужчин пылких и вялых, состоявшихся и пребывающих в вечном поиске; тех, чей огонь едва разгорелся и бушует неукротимо – но и не направленно, и тех, чьи стынущие угли едва могли согреть; сжигаемые своими страстями – и сожженные ими уже дотла. Без стеснения и гордыни могу признать – я видела их, я познавала их, я их познала. В этом – я и сейчас продолжаю считать так – нет ни беды, ни греха. Познавая их, я познавала себя. Я училась быть землей, на которой они могли бы стоять твердо; слабостью, для которой они могли бы стать щитом и ветром, способным раздуть их огонь. Лишь высшая сила, что, по словам Его, бесстрастно, но с искренним интересом наблюдает с Небес за нами, может знать, сколько раз приходилось моему ветру стихать в опасении, что очередной его порыв просто собьет слишком слабое пламя.

Видимо, в этом опыте моем суть того превращения, что довелось пережить, что стало центром моей жизни – и будет века и века спустя неизбежно тревожить любую душу, близкую к моей. Не разум. Не воображение даже. Именно душу, поскольку на ином уровне невозможно пережить ЭТО.

Встретив Его, я не нуждалась ни в подсказках со стороны, ни в знамениях, ни даже во времени, необходимом для осознания случившегося. Потому что суть моя, опыт – или то, как будет вам угодно это назвать, без промедления толкнуло меня – изнутри, жестко, неоспоримо. Этот, одетый неброско и просто среди нарядных горожан; держащийся непринужденно и спокойно среди возбужденной предстоящей расправой толпы; говорящий негромко – но слышимый издалека; с улыбкой, которая была тверже стали – лишь он один был мужчиной на этой площади. Лишь он один был мужчиной во всем том городе. Лишь он, и никто другой, был Мужчиной во всей необъятной Империи – и мне даже нет нужды посещать отдаленные ее уголки, чтобы убедиться в этом.

Ему не нужны были внешние атрибуты мужественности – в чем убеждалась я неоднократно после (да хотя бы в то утро, когда выходил он из сада, а

эти тонкошие мальчики в римских доспехах с мечами наголо вдруг сбились за ним кучкой – и стало ясно вдруг, что это Он сейчас поведет их во дворец). Ему не нужно было ни хмурить брови, чтобы изображать озабоченность, либо повышать голос, чтобы привлечь внимание к словам. Ему достаточно было одной легкой улыбки на все случаи жизни.

Все прочие вокруг – и даже лучшие из них – до сих пор нуждаются в том, чтобы играть самих себя. Играть силу в момент, когда они слабы, играть увлечение, когда они холодны и бесстрастны, когда жар распирает их изнутри. Все они – сейчас я уже достаточно созрела, чтобы понять это – так или иначе лишь попытаются воспроизвести какую-то часть Его. Опыт, опыт... мне слишком заметно все это, чтобы внешние проявления хоть когда-либо еще принять за суть. Ему достаточно было лишь оставаться собой.

Именно так и останутся они в истории этого мира – единственный Мужчина и бледные его отражения в бесчисленных душах, не готовых принять ЭТО В СЕБЕ до конца – даже если и становятся они Спутниками и Последователями... Лучшие могут лишь почувствовать тень Этого, лучшие из лучших – лишь приблизиться к пониманию.

И именно поэтому лишь Он мог принять меня целиком – такую, какой была я создана изначально и какой создала меня моя жизнь; лишь от Него могла я принять – равно – и боль и радость, потому как они были бы справедливы; лишь Он мог дать мне покой.

У меня был всего миг на колебания – и я поняла в этот миг, что путь мой – либо вслед за ним, до самого конца, каким бы тот ни был, до предела, до грани – пусть разобьюсь я об эту грань и окровавленные кости мои станут вечным пугалом для всех, думающих повторить этот путь, либо – прочь. Прочь, бегом, не глядя даже под ноги – пусть даже под камни, ждущие уже в руках добрых горожан – потому как если и будет бег мой недолог, то самый страшный конец его много легче, чем то, что нарисовало мне в единый миг воспаленное воображение.

Страх от этой картины жив во мне до сих пор. Ни минувшие испытания, ни грядущие не сравнятся с тем – воображенным и непережитым, но прочувствованным в единый миг.

Что, если я паду на колени, если я прижму к губам своим – губам, познавшим больше, чем стоило бы вообразить – край его дорожного плаща из грубой шерсти, а он, мимоходом скользнув рукой по моей голове, шагнет дальше – и уйдет навсегда, так и не распознав Меня...

Мария из Магдалы.

«Заметки на полях сказаний».

I век н.э., точная дата не установлена.

2-й свиток.

Герда КУРШАЙТИТЕ

МОТЫЛЬКИ

Происходит ли в этом мире что-либо просто так? Запах, оставшийся на волосах, в кармане найденные чужие перчатки, красивое полнолуние, громкоговоритель, дождь, река, парк – просто так?

Теплый, полный нежного летнего ветра вечер. На берегу реки девушка. Не скажешь, что она красивая, что ее внешность заставляет полицейских повернуть на 180 градусов. Поступаю наоборот. В ее руках фотоаппарат. Не стоя рядом, не поверишь, что она фотографирует. Похоже, целится в такие места, где нет ничего впечатлительного: листья, грубая кора деревьев, плиточка, мусор... Она создавала легкость. А вся история началась, когда она достигла здания «Мемеля». Поодаль на перилах она увидела «мотыльков». Поскольку уже поздний вечер, они очень отчетливы – летели на свет. Девушка крадется ближе. Еще, еще и еще. А сейчас берется фотографировать их со всех сторон.

Несколько дальше, по другую сторону улицы, стоит парень, красиво выросший, в легкой вечерней летней одежде, на удовольствие ветру длинные черные локоны. Увидел ее. Словно загипнотизированный перешел улицу. Он уже у «Мемеля». Старается быть достаточно тихим и не испугать ее. Видит ее как на фотографии: без блеска белизны, необязывающие ботиночки без каблуков, легкие ноги, как если бы она могла летать, длинное белое легкое платье, виляющее таинственно от ветра, развевается, словно конкурируя с волосами. С ними, светлыми и непослушными, с ожесточением пытается справиться единственное кольцо. Очень романтическая картина. У парня в голове словно вымело мысли. Теперь он только знал то, что можно чувствовать глазами.

«Мотыльки» куда-то улетели, волосы распустились, и заколка упала. Девушка гонится за «мотыльками»... щелчок – снято. Как вкопанная остановилась перед парнем. В чужом взгляде фотографии видит себя: маленькая и какая-то нестойкая, как песок... Время остановилось. Я это называю чувством.

Ни с того, ни с сего девушка кинулась убежать, но ветер, словно не терпевший продолжения интриг, опутал платье о перила. Она дергается всем телом, материал рвется, лоскут остается на перилах (почти жест Золушки). Он берет лоскут и заворачивает в него заколку. Думаю, он не любит догонять. А если и догнал бы, то, что сказал бы?

Переполненный мыслями, еще долго он стоял на берегу.

Случайная фотография – совершенна. Как тишина. Как любовь (из сказки).

Прошел месяц с того вечера. Последние дни августа. Депрессия конца лета действует на чувствительных людей. Владелица белого платья (что сейчас порвано) с грустными глазами гуляет в вымершем от людей парке. Уже поздно, полнолуние, в парке не горит свет и не видно ни одного человека. Люди в такое время избегают таких мест. Но грустная побережная девочка, не представляющая возможных опасностей, блуждает по мокрому от дождя парку. Слышно бречание гитары. Девушку до костей пробирает непонятная тоска и надоедливая грусть, поэтому она не позволяет себе думать, что это ей только кажется. Чем глубже в парк, тем отчетливее слышно звучание, что влечет. Даже желая, не смогла бы обмануться. Чист для ее тоски приближающийся гитарный плач. Она побежала к звуку... Уже совсем рядом. Резко встала перед освещенным местом, где уже до звука рукой подать. Сперва фиксировала руки, которые заставляли струны плакать, затем освещенную луной линию ноги во тьме, словно звавшие прижаться плечи, немного непонятно близкого профиля, черные локоны. Она споткнулась на промокшей от дождя земле и упала на колени прямо перед ним. Никакого страха, никакой нервозности, ведь маньяки не играют на гитаре в полнолуние, никаких мыслей, никакого желания двигаться. Одно только согревающее чувство. Чувство, что так может быть всю ночь...

Встречи продолжались неделю. Ночь, полнолуние, гитара и только два человека во всем парке. Она тайком сидела в покрове деревьев. Потом, наконец, решилась. Молча подошла и положила рядом фотографию. Совершенство. И пустилась бежать из парка. Но человек с гитарой не дал ей убежать, так как нельзя позволить убежать существу, которое так хочется обнять. Схватив за руку, раскрыл ее ладонь и положил на нее потертый лоскут с постаревшей заколкой...

Потом этим же лоскутом он вытирал ей слезы.

Так красиво и романтично, чего не может быть просто так. И... сложно поверить, что такое случилось на самом деле.

Перевод с литовского Дениса МАТЮШКИНА

Дмитрий ГРИГОРЬЕВ

Перешагивая боль

Дело было весной – в конце апреля. С приходом тепла парк нашего приморского городка заметно оживился: в воздухе терпко пахло почками деревьев, задорно щебетали птицы, а по ветвям сосен наперегонки скакали белки.

Около полудня молодая мама с двумя ребятами – мальчиком трех лет, которого вела за руку, и годовалой девочкой в коляске – переходили дорогу, и в это самое время на большой скорости из-за поворота вылетел темно-синий мерседес. Сбив женщину с детьми, машина, истошно визжа тормозами, на мгновение приостановилась, как будто соображая, что произошло, но затем в испуге рванула с места и в следующий миг скрылась за поворотом. Свидетелей происшествия было немного: подслеповатая старушка с авоськой в руке и толстый, в спортивном костюме, мужчина, который стоял с раскрытой газетой возле киоска. Сворачивая на ходу газету, он бросился помочь пострадавшим, подбежал, взглянул с прискорбием, торопливо достал из кармана сотовый телефон и принялся судорожно давить на кнопки.

В тот злополучный день хирург Васильев, едва закончив операцию по поводу аппендицита у девушки-студентки, вынужден был немедленно прооперировать молодого человека, пострадавшего в автомобильной катастрофе. Тяжелый выдался денек.

Васильеву было двадцать пять с небольшим. Высокий, широкоплечий, полнощекый, всегда с короткой стрижкой волос соломенного цвета. Коллеги уважали талантливого хирурга, а заведующий отделением Панюшин, которому было далеко за шестьдесят, обещал ему свое место. Дома Васильеву прощалась бесконечная занятость на работе. Зато по выходным он старался восполнить недостаток общения с женой и детьми. Обычно все вместе отправлялись гулять в парк, на побережье или ездили в зоосад.

Операция была сложная, но прошла удачно. Васильев содрал мокрые перчатки, снял маску, протер ладонью потный лоб и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Ну вот и всё. Еще одна спасенная жизнь. Васильев с легким сердцем направился в ординаторскую.

Переодевшись, он подошел к телефону, набрал домашний номер и некоторое время с недоумением слушал в трубке безнадежные гудки. Который час? Взглянул на часы. Странно... В это время Светлана обычно кормит грудью малышку. Куда они подевались? Он положил трубку, повернулся к окну. Вечерело. В тающем солнечном свете еще купались на газоне желтые крокусы, в кустах звонко щебетали воробьи. Ну где же Светлана? Васильев снова взялся

за телефон. Тут в ординаторскую вошел Панюшин и молча остановился возле стола. Несколько мгновений Васильев вопросительно глядел в его хмурое лицо: что-то не так? Тот, наконец, собрался с мыслями, тяжело вздохнул, бросил на Васильева сочувственный взгляд и сообщил:

– Плохая новость.

– Что случилось? – с недоумением поинтересовался Васильев.

– Твоя семья попала в беду, – нерешительно продолжил Панюшин.

– Что с ними? – встревожился Васильев.

– Тут из милиции приходили. Гм... Представители. – Панюшин чувствовал себя неуверенно. – Интересовались.

– Да что произошло, Михаил Иванович? – требовал Васильев, охваченный волнением.

– В общем. Гм... На твоих близких совершили наезд. Светлана и сын погибли, Оленька умерла только что. Она здесь. – перевел дыхание. – Так-то вот.

– Кто?! – воскликнул Васильев. – Где они?! – Его затрясло от нахлынувшего ужаса.

– Водитель скрылся. Его личность пока не известна. А девочку можно навестить. Она еще в операционной, – промолвил Панюшин и, кашлянув в кулак, добавил: – Мы сделали все, что могли.

Васильев бросился из ординаторской прочь.

– Мне очень жаль, – со вздохом проговорил Панюшин ему вслед.

Но Васильев ничего уже не слышал.

А вскоре все завертелось: морг, милиция, беседа с представителем прокуратуры – как в снежном вихре. Васильев спрашивал, кто же этот убийца, но следователь уклончиво отвечал: сообщат, как только станет известно.

Был поздний вечер. Васильев неподвижно сидел на стуле при болезненно-желтом свете люстры, похожей на цветок ромашки, и глядел вдаль, как в пустой морской горизонт, который рисовало его усталое, отравленное тоской воображение. Примерно за час до трагедии он говорил с женой по телефону. Торопливым звонким голосом Светлана радостно сообщала, какой чудесный выдался день, и что когда Алеша доест наконец свою кашу, они отправятся на прогулку в парк, который через дорогу... А завтра суббота, и Васильев обещал детям всем вместе спуститься к морю кормить чаек.

В гостиной были разбросаны игрушки сына, через спинку стула перекинут пестрый халат жены. Светлана с детьми так заждались теплой погоды, что торопились на прогулку и договорились прибраться после, когда вернутся. Спешно покинутая ими комната про-

изводила на Васильева гнетущее впечатление. Мало-помалу от усталости он задремал. Вдруг рядом кто-то завозился и стал карабкаться на колени. Это ощущение было таким сильным, что Васильев невольно вздрогнул, а, увидев перед собой хохочущего сына, испугался, и видение мгновенно пропало. Потом из кухни послышался долгожданный голос Светланы: «Ужинать!» Так отчетливо он прозвучал, что Васильев встрепенулся, но тут же опомнился: это ветер подул в оконные щели. А спустя некоторое время в кровати вдруг захныкала Оленька. Васильев подхватился бежать в спальню, дочку надо успокоить, но тут он очнулся, едва не свалившись со стула.

Сон этой ночью больше не приходил. Васильев поднялся и побрел на кухню, хотелось выпить кофе. Думать о разлуке с женой и детьми было тяжело, но проклятые мысли сами навязчиво лезли. «Моя дорогая, как же это случилось? Почему мы расстались? Так неожиданно! – шепотом говорил жене Васильев. – Я не могу поверить, что вас больше со мной нет. – Вода в чайнике вскипела, Васильев сделал кофе и сел за стол. – Неужели это должно было с нами произойти? Кстати, я хотел спросить, помогли ли Алешке капли от насморка?» – Тут Васильев громко вскрикнул и закрыл лицо руками. Плечи его задергались, и он дал волю чувствам.

Утром Васильев поспешил прочь из дому. Вещи жены, игрушки, детская кровать, из которой время от времени доносилось бряцанье погремушек, вздохи и хныканье Оленьки, сводили с ума. Взярошенный, измученный, с красным порезом от бритвы на бледной щеке он решил прогуляться по берегу моря, чтобы взбодриться. Похороны уже завтра. Все хлопоты агенты из ритуальной конторы взяли на себя. А в больнице его подменил на два дня сам Панюшин.

День выдался пасмурный, дул порывистый ветер, по морю катились высокие волны и с грохотом набрасывались на песчаный пляж, обдавая Васильева холодными брызгами. Теплый шерстяной свитер, связанный Светланой, его согревал и был приятен, как объятия жены.

В больницу Васильев вернулся уже на другой день после похорон. Одиночество, в которое он с удручающей внезапностью погрузился, было невыносимым. Только в спасении жизни людей он надеялся найти себе утешение.

Прежде всего Васильев проведаль своего пациента – водителя. Антон, так звали молодого человека восемнадцати лет, лежал на койке перебинтованный, как мумия, с поднятой и привязанной к фиксирующему механизму левой ногой.

– Ты будешь жить, – бодрым голосом пообещал ему Васильев. – Я никому еще не позволял умереть. И дочке, если бы в тот день я знал... – Тут он отвернулся, проглотил недосказанное вместе со слезами и, доставая из кармана штанов носовой платок, торпливо вышел из палаты.

В ординаторской его дожидался Панюшин.

– Водитель-убийца найден, – проговорил заведующий. – Необычный случай. Это тот парень, что поступил к нам в тот же день с переломами.

– Антон? – не поверил Васильев.

– Он самый, – подтвердил Панюшин, потирая руками. – Гм... У меня был следователь...

Васильев развернулся и бросился в палату Антона. Новость пришла крепким ударом, оглушила врача, как бой гонга, предвещающий очередной акт трагической истории. Панюшин едва поспевал за Васильевым.

– Постой! – просил он. – Постой!.. Эх, не надо было сейчас говорить, – пробормотал Панюшин. – Ну что же ты? Постой.

Васильев рванул дверь и вошел в палату. Тяжело дыша, он остановился перед кроватью Антона, который безмятежно спал. Васильеву почему-то не верилось, что этот искалеченный перебинтованный человек и есть беглый убийца. «Неужели это сделал он, – лихорадочно соображал Васильев. – Антон поступил ко мне днем. Да, уже после... Совпадение? Нет, два одинаковых случая в одно и то же время... Так не бывает. Это все же какая-то ошибка».

В палату осторожно вошел Панюшин. Он остановился, задыхаясь от бега по лестницам, – упражнение не по возрасту, – и устался в спину врача.

– Им уже занимаются, – осторожно проговорил Панюшин, едва переведя дыхание.

Васильев обернулся, поднес палец к губам и полупшепотом произнес:

– Почему они уверены, что убийца он?

– Ну как же, – ответил Панюшин, – была милиция, представитель прокуратуры, родственники. Вот и установили.

Васильев снова поглядел на беспомощного пациента, пожал плечами и направился к двери.

– Говорю тебе, он, – зашептал Панюшин, следуя за врачом. – Теперь нам все известно... Постой.

Они вышли и остановились в коридоре. Панюшин с сочувствием посмотрел на Васильева.

– Надо кое-что обсудить, – начал он. Васильев слабо кивнул. Тогда Панюшин продолжил: – Я понимаю тяжелое положение, в котором ты оказался. Тебе сейчас нелегко. И хотя это не положено, но я готов назначить Антону другого врача. – Васильев покачал головой. – Послушай, тут ведь особый случай.

– Не надо, Михаил Иванович, – проговорил Васильев.

– Ты все же подумай, – посоветовал Панюшин.

– Я справлюсь, – заверил Васильев. – Я буду вести Антона до конца.

В тот злополучный день, совершив на пешеходов наезд, Антон без памяти вылетел из городка, и помчал по шоссе так, словно за ним с подстрекающим улюлюканьем неслись черти. Мерседес гнал что было духу, ревом оглушая окрестности. На очередном повороте Антон не справился с управлением, и машина врезалась в придорожный столб. «... Господи помилуй, и этот столб, хрясь, переломился», – взволнованно рассказывал свидетель катастрофы – пастух из соседней деревни. Водитель встречной машины, ехавший с семьей отдыхать на побережье, вызвал скорую помощь и сообщил в милицию.

Заполночь Васильев вновь сидел в своей квартире за пустым кухонным столом. Спать он по-прежнему не мог. «Вот так, моя дорогая, развивались события,

– мысленно заговорил Васильев с женой. – Прости меня, разве мог я что-нибудь в тот день изменить?.. Верно, ничего. Я не знал... – Васильев задумался и некоторое время слепо глядел в стол. – Этот парень будет жить, – продолжил он. – Но ты не сердись на меня?.. Ну конечно. Знаю, ты всегда радовалась моим успехам... Скажи, как там у вас? – Прислушался. «Мы скучаем без тебя», – услышал он в ответ. «Я тоже. Скажи, ты видела Его?» – «Пожалуйста, не задавай глупых вопросов». – «Ты всегда Ему верила... Понимаю, Он просил молчать... Кстати, я давно хотел спросить, как помогли капли от насморка?» – «Наконец-то поинтересовался. Алеша теперь здоров. Они с Оленькой передают тебе привет». – «Спасибо, я очень рад. Скажи детям, что я скучаю без них». – «И нам тоже не хватает тебя». – «Знаешь, ты все-таки права. Я не верил, но Бог как будто и в самом деле руководит нашими поступками. Выходит, Он дал мне силу спасать человеческие жизни. Отчего Он помогает мне? Я все думал, это судьба. Почему одних пациентов Он желает оставить в этом мире, а других забирает к себе?.. Странно, и все-таки похоже на правду. – Васильев шмыгнул носом и посмотрел в темное окно. – В таком случае... А ведь я мог спасти нашу маленькую куколку!.. – Васильев перевел дыхание. – Ты, наверное, думаешь, я слишком большого мнения о себе. Возможно, но по-другому это не объяснить. Впрочем, тебе теперь виднее. Спроси Его. Я буду ждать. Я должен знать, почему Он забрал вас в тот день?» – Тут Васильев закрыл лицо руками и долго сидел, покачиваясь своим большим телом из стороны в сторону.

Бессонница тиранила его немилосердно. Теперь каждую ночь в глухой обволакивающей тишине воскресали до слез родные звуки и голоса. «Папа!» – как будто его звал поиграть Алешка, то и дело попискивала в кровати Оленька, а то вдруг вздохнет Светлана, пробуя из ложки кипящий суп, ну вот, опять пересолила... Стукнет Васильев ногой о пол, и вспугнутые голоса мигом пропадали, но ненадолго. Однажды, утомленный тяжелой операцией, Васильев прилег на кровать и тут же забылся. Как вдруг он увидел Светлану, свернувшуюся калачиком у него под боком. Он хотел прижать ее к себе, но в ужасе опомнился: она мертва, и отпрянул от нее, хлопая рукой по холодной постели. Никого.

Спасение было в больнице. Что ни день Васильев пытался убедить заведующего ставить его на сверхурочные ночные дежурства, но тот, ссылаясь на законодательство и гигиену труда, работать без отдыха запрещал.

Антон лежал, упиравшись босыми ногами в металлическую стенку койки. Лицо у него было худое, бледное и покрытое светлой щетиной, под глазами темнели мешки и выразительно выступали скулы.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Васильев.

– Паршиво, – слабым голосом ответил Антон.

– Отчего же? – удивился Васильев. – Анализы с каждым разом дают хорошие показатели. Уже совсем скоро ты сможешь ходить без этих вот, – кивнул в сторону, – костылей.

– Мне все равно, – ледяным бесцветным тоном сказал Антон.

– Если тебя что-нибудь беспокоит, скажи. Прием меры. Смелей. Чем ты расстроен?

Антон посмотрел на врача, и вдруг выпалил:

– А как, по-вашему, чувствует себя человек, который совершил убийство?

Васильев почувствовал, как по спине пробежали мурашки, словно обдало морозным ветром. Он пристально поглядел в глаза Антона, дожидаясь продолжения, но тот отвернулся к окну.

– Кого ты убил? – Васильеву хотелось услышать что-нибудь другое. Всякое бывает, и настоящий преступник до сих пор скрывается.

Не поворачивая головы, Антон проговорил по-прежнему уныло:

– Я на дороге сбил какую-то дамочку с детьми.

Васильев вздрогнул. Сомнения улетучились. Что же дальше?

– Значит, они погибли? – пробормотал он.

– Да, – отозвался Антон, повернулся и стал глядеть на белый потолок, как на висящую над ним черную тучу, грозящую разразиться ливнем.

– Как же это случилось? – промолвил Васильев.

– Взял у отца машину, пока тот в командировке. Хотел навестить свою подружку. Я, кажется, чем-то ей не угодил. Думал, вместе покатаемся, поговорим. А она видеть меня не пожелала, – тихо признался Антон.

– Права-то у тебя есть? – поинтересовался Васильев.

Антон промолчал. Васильев потер подбородок, покачал головой и спросил:

– Ты разве им не помог?

– Я испугался, – неохотно ответил Антон.

– Испугался? – с грустным удивлением повторил Васильев.

– Крови. Было много крови. Особенно от мальчишки. И женщина на асфальте стонала, – почти шепотом произнес Антон.

Васильев покраснел, задохнулся и торопливо поспешил прочь из палаты.

– Ну-ну, бегите. Зачем вам лечить убийцу? – проговорил Антон, переводя взгляд на захлопнувшуюся дверь. – Мне все равно. – И в сердцах добавил: – Лучше бы мне умереть.

Выскочив от Антона, Васильев бросился в ординаторскую и потом долго прохаживался в этом тусклом помещении от двери к окну и обратно, погруженный в путаницу мыслей. Сейчас он чувствовал себя обманутым и смешным. «Но по-другому быть не могло, ведь я человека спасал. Какая разница, кто он есть, – убеждал себя Васильев. – Тогда я ничего не знал... – Некоторое время он задумчиво глядел в окно. Чувства боролись в нем. – Знал или не знал, я все равно прооперировал его, – решительно пробормотал Васильев. – Я спас ему жизнь».

Панюшин снова настаивал, чтобы Васильев взял отпуск и поехал куда-нибудь отдохнуть. Но тот отказывался. Какое к черту путешествие? Нет, не надо. От этого никуда не сбежать, нигде не спастись.

«Милая моя, ты помнишь, как мы с тобой мечтали

провести это лето на Куршской косе? – спрашивал Васильев, глядя в кухонное окно, в которое светило вечернее солнце. – Горячие дюны, теплый морской ветер, сосны, детский смех... Я уже было скопил денег на эту поездку. Да пришлось все потратить на ваши похороны... Этот парень – убийца. Теперь ты знаешь все. Или нет, ты знала это раньше. Знала! Но почему же тогда молчала?» – «Я не хотела вмешиваться в твою работу», – прозвучало в ответ. Васильев кивнул. «Понимаю. – Он махнул рукой, подошел к столу и сел. – А-а... к чему все это теперь. Я врач, я должен был человека спасти. Разве нет?» – Он замолчал и в ответ услышал: – «Так было угодно Богу». – «Значит, ты говорила с Ним?» – «Я не хочу рассуждать на эту тему». – «Это Он тебе так велел?» – «Прекрати». – «А хочешь, я убью этого мальчишку?» – «Хватит об этом». – «Ты чего-то боишься?» – Васильев разошелся. – Ну хорошо, тогда дай мне знать, намеки, хочешь?» И намек этот он тут же получил. С улицы доносились смех, и как бы в ответ ему восторженный девичий голос отчетливо произнес: «Конечно, хочу». Васильев с удивлением обернулся, солнце уже село, и по окну расплзлась синяя тень. Он стал прислушиваться к уличным звукам, но ничего определенного больше не услышал. Васильев задумался. «Убить человека! Значит, ты этого хочешь?.. Нет. Не стоит, родная моя, смерть этого мальчишки, этого преступника, ничего не изменит. Она не вернет ко мне вас». – «А если бы вернула, ты сделал бы это?» – вновь услышал Васильев. «Нет, – уверенно сказал он, – это полагается делать Богу. Я не убийца».

На пешеходном переходе, спустя месяц после трагедии, дорожная служба обновила свежей краской «зебру» и даже установила светофор. Васильев здесь больше не ходил. Теперь, по пути на работу, он делал большой крюк, пробираясь дворами. Со стороны, он чувствовал, это выглядело как-то нелепо, но кому он тут нужен? А на сороковой день Васильев повесил свежий венок на дерево, что росло возле того перехода.

Вечерами неумолимо захлестывала тоска. Несколько раз Васильеву удавалось остаться ночевать в ординаторской. Но понимал, что долго так продолжаться не может. Операции почти каждый день. Любая ошибка могла плохо закончиться для больного.

Во время обхода, Васильев по обыкновению интересовался самочувствием Антона.

– Нормально, – безразличным тоном отвечал тот.

– Скоро выпишем, – заверил Васильев. – Я заказал для тебя новые лекарства, очень хорошие.

– Мне некуда торопиться, – хмуро ответил Антон. – Была у меня девчонка, да только не нужен я ей. Ни разу не навестила... Вчера снова приходил следователь.

– И что сказал?

– Ничего хорошего. Ждут-не дождутся, когда я встану на ноги. Посадят.

Васильев с сочувствием кивнул, сел на краешек соседней койки и вновь решил вернуться к оборванному однажды разговору.

– Значит, ты уехал?

– Я дал по газам и удрал, как последняя сволочь.

– Ты оставил их умирать, – вздохнул Васильев.

– Скажите, а вам не запахло лечить преступника? – вдруг спросил Антон.

Васильев задумчиво поглядел в его впалые темные глаза и ответил:

– Я не вправе решать, кого лечить, кого нет. Мое дело спасти жизнь человеку.

– Человеку? – ухмыльнулся Антон. – Да разве убийца – человек?

Васильев пожал плечами.

– Ты раскаиваешься? – спросил он.

Антон промолчал.

Тогда Васильев поднялся, посмотрел на парня с сожалением и вышел из палаты. В коридоре он сделал несколько дыхательных упражнений, чтобы успокоиться, и затем направился в ординаторскую.

В другой раз Васильев заглянул к Антону через пару дней. Тот лежал на койке, положив ногу на ногу, и листал какой-то красочный журнал.

– Я думал, вы больше не придете, – проговорил Антон, не отрывая взгляда от страницы.

– Почему же? Я как врач должен знать самочувствие моего пациента, – ответил Васильев.

– Хуже некуда, – фыркнул Антон.

– Мучает совесть?

– Одна философская задачка.

– Какая?

– Почему такой подонок, как я, остался на свете жить?

– Сложный вопрос.

– Да, это верно.

Антон опустил ногу и вытянулся во всю длину.

– Боюсь, что мы не вольны решать, жить нам или нет.

Антон закрыл журнал, отложил его в сторону и уставился на врача с недоумением.

– А кто же волен?

Васильев не ответил.

– Скажи, почему ты не помог раненым? – спросил он. – Почему хотя бы не вызвал помощь?

– Да вы никак не въезжаете, – произнес Антон с раздражением и приподнялся, опираясь на локоть. – Я ведь уже говорил: испугался. Мозги отключились от страха. Понятно? Ну чего вы пристали ко мне? Что вам нужно?

Васильев поглядел на Антона в упор.

– Послушай, – проговорил он. – Та женщина с детьми, которых ты убил, были моей семьей.

На мгновение Антон перестал дышать, его взгляд застыл, сердце заходило в волнении, будто хотело выскочить из грудной клетки и броситься наутек. Васильев поглядел на Антона пристально, мышцы его лица напряглись, нервы натянулись до предела, и вдруг он повернулся так резко, что Антон невольно прикрылся рукой и зажмурился, ожидая удара.

– Убейте меня наконец, – жалобно прошептал он.

Когда Антон убрал руку и открыл глаза, Васильев уже выходил из палаты. Антон проводил его угрюмым взглядом, и когда за врачом хлопнула дверь, в бессилии опустил голову на подушку и закрыл глаза.

Агне КЛИМАВИЧУТЕ

* * *

уголок
розового белья
изящно показался
из-под джинсов
слегка веяло
жасмином
а может
настурцией
иногда
выгибала спину
словно боялась
сама себя
или ветра
стояла
напротив меня
не подозревая
как
важно
не очутиться
на другой стороне улицы
Господи
спаси её
душу

* * *

начинает падать снег
словно с открытки
впервые
в этом году
жадно
на вянущие
июньские ограды
вокруг
городского кладбища
в руках
чётки
как спасение
нагреваются
меняют цвет
змеятся
как будто знают
что ожидает
притихнув
над синевой
снегом
и
суеверием

---

* * *

все мои
мужчины
свою судьбу
пытались прочесть
меж бёдер.

и ни один
не взглянул
на брови

* * *

делала ставки
на красное
хотя всегда
выпадало чёрное
так было
надёжнее
не заблудиться в толпе
даже
выходила последней
тебя встречать
каждое утро
не возвращался ты
только потому
что в мои
ладони
всегда капал дождь
отвернувшись
всхлипывала
ненавидела
но
кнопку всё равно
нажала

еггор
еггор
cancel

* * *

в этом белом
бытие
так много банальности

и время —
мой раб

безгрудые (ах
изящные феи)
плачут в сумерках
попросту предупреждая
долю

на которую взвалилось
материнство

с молоком вязнут
льдиной
сопровождающей их
с рождения

рассекает
время
и предел
днёмночь
свёртываются
где-то
между бёдер

* * *

я — хищник.

под
строгим
костюмом Chanel
и жилеткой
цвета персика
прячется
миролюбивая жажда крови

* * *

не мои это руки
не моё сердце
просыпаются рядом
твои женщины
ярко
румянят щёки
они курят сигариллы
пьют только белое вино
я иная —
злополучная —
прикрывшись тьмою
краду из их
объятий тебя
слабенькая почти
прозрачная
девка
трусливая как листочек
с колокольчиком
на подбородке
верная верная
оступившись
всё равно вернулась бы
в тебя
в себя
только жаль
что нет нас

Перевод Елены ЦУКАНОВОЙ

Светлана СЕРГАЧЕВА

Московский снег

Снег – вчера был небесный,
Сегодня – московский –
Мешаниной умрёт под ногами толпы.
Мне и страшно - и лестно,
И твёрдо - и скользко,
И не важно, кто будет,
А важно, кто был.

От него я бегу
На ночной электричке,
Прячусь в чёрные дыры,
Нырять в метро.
И не в силах сломить
Многолетней привычки,
Проникаю в квартиры,
Сжимая нутро.

А толпа не заметит
Меня и укроет,
И не выдаст на суд,
И ему – не вернёт,
И смешает со снегом,
И вьюгу устроит...
...И нечаянно снег
Под ногами умрёт.

Расставание

А небо всё падало, падало
И путало людей сплошным
Белым шевелением.
А я не смеялась, а плакала,
Хоть сделались все смешны
От этого падения...

И ты, растворённая в сумерках,
Исчезла от моих больных
Пальцев остывающих.
И будто бы всё вокруг умерло
Под снегом, кроме нас одних,
Друг друга теряющих.

И будто бы утро белёсое
Зачем-то не смогло изменить
Пасмурной истории –
Замёрзший автобус унёс её,
И впору бы всё забыть,
Согласно теории...

Лунное

Грустная радость, серебряный ветер,
Грустно и лунно сегодня на свете.
В небе растущая светит печаль,
Что-то рождается нынче в плечах.

Хлопнул балкон, задрожало стекло,
Вырвалась штора, как птичье крыло.
Знаю сегодня, что я не одна –
Стану смотреть на себя из окна.

Синие тени покинули сны –
Это бессонные дети луны.
Синие звёзды сомкнулись кольцом,
Небо моё притянуло лицо.

И возрастает во мне по чуть-чуть
Грусть моя – жёлтая лунная ртуть.
...Будет печаль и кругла, и полна, -
Только играй эту музыку сна...

* * *

Сели детские ладошки,
Словно голуби, на плечи,
Птичий был язык немножко
И немножко человеческий.

Было чуточку щекотно
От касания ресничек
Этих чутких, перелётных,
Самых трогательных птичек.

Нежно вслушиваюсь в лепет,
В детских мыслей непривычность,
Чьи большие руки спят
Эту маленькую личность?

Мы когда-то тоже были
Так доверчивы, пернатые.
Повзрослели, позабыли...
Видно, сами виноваты...

Ева Мария РЕЙКАЛАЙТЕ

* * *

Я буду жить,
Как призрак,
В коридоре,
Соседкою начищенном до блеска,
И в солнечном сиянии
Не стану гроыхать цепями...

* * *

Острыми, гранёнными слезами
Плачу.
Алыми,
Словно заря среди зимы,
Каплями –
Земля
И их впитает...

* * *

Сидеть в траве,
Как растение...
Обвейте, вьюнки,
Ноги,
Удлинённую шею
Сожмите...
Желаю быть
Одарённой...

* * *

Вместе с солнцем спуститься
На дно, -
Словно ведьме
Сожжённой,
Потонуть
В огне
И в стыде...

Руками обвить
Извращенца
За шею.
Представить,
Будто принц
Придуманный
Твой...

И глаза широко распахнув,
Заглядеться в небытие
Взором невидящим.
Грязными
Перьями голубиными
Укутаться
И притвориться красивой...

* * *

Потому что молчащий ты не нравишься мне,
Принеси то зелёное яблоко утром из мокрого сада...
Из туманов
И рос,
Тишины этих слякотных троп
Сочини ты мне песню...

Не про любовь,
Не про боль,
Не про ненависть,
Не про досаду,
А про раннюю мглу,
Нежно жмущуюся к ноге,
И про ведьм,
Что полощут одежду в туманной реке...

Только лишь про холодные шорохи леса в воздухе сером
И про сладко-счастливое чувство
Где-то под сердцем,
Вдыхая рассвет...
И про светлую ночь,
Что промчалась так скоро,
И про солнце,
Что больше, казалось, не встанет...

* * *

Плотно укутав плечи,
Самогрызни платок
Не позволит глупо хихикать...

Влезая в автобус, дышу
Чайным деревом и люпинами...
А вы, прохожие серые?
Нет...
Вы не вдохнули запаха самогрызни...

Замаравшись в своей печали,
Иду домой.
Одна,
Пуста.
Ай, так себе, иду...

Перевод Светланы СЕРГАЧЁВОЙ

Юрате СУЧИЛАЙТЕ

ПАРАЛЛЕЛИ

Припадание к груди земной

Ни конца ни края шири зелёно-голубой воды, а песок – словно огромный лист бумаги: чистые, извилистые линии, наполненные словами. Только лишь всмотрюсь в написание, они погружаются в песок, оставляя большую тоску и предчувствие, что всё то, что не успела прочитать, есть в моём сознании.

Чайка, войдя в море, пьёт крик небес. Может, эти предложения, которые погрузились в песок, были побуждением глазу наполниться небесами; чтоб, окружённая тенями, увидела бы направление дороги?

Уж не знаю, в какие рамки загоняет меня профессия, планы, обязанности, лишь чувствую бесконечную благодарность земле за то, что я есть и вижу свои следы на извилистыми линиями вырезанном берегу. В момент паузы между вздохом и выдохом, как листочки черёмухи из бутона, из тишины плавляются мысли.

Вдохновлённому небу тесно в душе: тьма, которую я вдохнула за много месяцев, выслушивая истории страданий, отпускает меня. Теперь она не похожа даже на тяжело давящее облако, даже на чёрный асфальт над поднимающейся травой. Теперь это всего лишь театр теней, сцены, желающие лечь прописью.

* * *

- Может, вы сможете ответить, как скрыть от пациентов своё настроение, когда ты нервничаешь? Ведь не всегда есть вдохновение работать, - спрашивают, постольку-поскольку познакомившись с терапией искусством, закончившие университет студентки.

Искренний вопрос кидает в прошлое. В комнате – включенный телевизор транслирует русскую программу новостей „Время“. Мир вслушивается – Чернобыльская трагедия. С экрана взирают решительные женские глаза, хочется усомниться в запрещённых словах: „Советские люди – твёрже атома“. Вот так сила идеологии – партия захочет, законы физики и биологии теряют вес. Я – за экраном, за признанными, вслушиваюсь в ощущения тела, в саму себя. Говорят: не так пламенеешь. Останется лишь дым и ничего больше. Горячусь, защищая свою свободу быть сама собой.

Теперь позволено быть не сверхчеловеком, а простым человеком: слабым, ошибающимся, сомневающимся, вопрошающим: „Как скрыть от пациента свою собственную нервозность? Вы, наверно, тоже иногда теряете настроение?“

Врач, сперва исцелись сам. „Мы – не врачи, мы – терапевты искусства“. Исцелим себя.

* * *

За окном пахнут мёдом налившиеся бутоны цветов. Идущие от земли жизненные соки в полной чаше выюнков – солнце моет лицо: журчит, пенится розовая вода, пузыри надежды прыгают в глаза. А один из бутонов не успел распуститься так быстро, как другие. Съёжился, сник, сохнет.

Живу меж полюсов лжи и правды, меж любовью и обидой. Волны зла всё чаще отступают от меня, но я – не каменная, я ранима. Мои раны безголовы, а лицо печально, когда молчу. Заговорить языком ран – это исцелиться, отдаться силе произрастающих ветвей, слиться с землёй и смотреть в небо.

Теперь я – земля: обочина улиц Вильнюс, тропа через сосняк Нерийос в сторону моря, бугорки исчезнувшего кладбища деревни Жвиргжджюнай. Ранит лезвие. Осколки. Осколки разбитых желаний живших за сотни лет и теперь живущих людей. Больно, а небесная синь ожидает взлетевшей и под солнцем парящей птицы. Язык ждёт моего слова, в котором раненые мечты оживают и раскрывают крылья. Острые осколки, лезвия ближе, нежели взывающая небесная синева. Не сомкнуть глаз. Чувствовать, чувствовать, чувствовать. Съжившийся, боящийся жизни бутон – засыхает.

Капелька росы оmyвает расходящееся слово.

* * *

„Но ведь нет времени на углубление в свои чувства. Не закончив одну работу, надо бежать на другую. Нет времени“.

Удаляемся от таинства языка, оскудевает наше бытие. Тяжелеет. Темнеет.

Идти на свидание с безнадёжностью пациента – это идти в слабоосвещённый тоннель с множеством тупиковых ветвей; а иногда там вообще нет никакого света, есть только свет небесный, влившийся мне в глаза. Если бы его не было, так вместе с пациентом заблудилась бы в безнадёжности.

Нет времени – или нет нас? Полюса исчезнувшего моста удерживаются против нападающих волн.

* * *

В моём кабинете женщина жалуется, что ничегошеньки в жизни не замечает. Перед глазами

– лишь чернота. Она борется с сердечной болью, зажимает её всеми силами, которые ещё не потеряла. Слышала ли слова тоски, её голос? Женщина не взглянёт горю в лицо, не станет пробовать услышать его слово, поскольку тяжёлая тоска – это симптом болезни, вины, доказательство слабости.

Человеческих сил маловато выдержать такое напряжение, которое охватывает тело, когда горе ищет выражающее его слово. Не выдержав напряжения, чёрная лента ложится поверх глаз, день замирает.

Под водостоком стоит бочка для дождевой воды, а рядом с ней – растрескавшийся асфальт. Выдержавший чёрный дождь подорожник смотрит в мои глаза: верь слову, раскалывающему дождь безнадёжности.

- Расскажите мне о кусочке земли, на котором вы когда-то чувствовали себя счастливой и верили в жизнь, – прошу женщину.

- Нет такой земли. Это значит, что я больна, правда? Мой сын в Копенгагене, дочь – в Лондоне, муж – в Исландии. Мне хорошо там, где моя семья. Там моя земля.

- В то же самое мгновение мы не можем быть и в Лондоне, и в Копенгагене. Можем лететь из одного государства в другое, но одним мгновением не можем быть в разных городах. Где-то есть та земля, на которой в данное мгновение вы можете почувствовать себя счастливой.

Женщина находит пространные улицы Копенгагена, большие дома, людей Дании и всю свою семью, собравшуюся порадоваться карьере сына. Находит лицо земли. А какие глаза у горя? Тоска отвернулась. Возвысив голос, заиграла флейта, поклонилась жизни и попросила её сказать слово.

- Сегодня утром мне было очень плохо. Тяжёлая эта весна... А теперь всё кажется по-другому. Мне нужны такие диалоги, очень нужны.

* * *

Летим на крыльях воображения с одного кусочка земли на другой. Моя двадцатилетняя пациент-

ка теперь далеко от Литвы. В Крыму. Запрокинув голову, смотрит на ласточкино гнездо. Ласточка-мать летает и летает кормить деточек. Спрашиваю девушку, заметила ли она ещё что-нибудь этим счастливым летом, когда отдыхала в Крыму, или только птичек. Она молчит. Несколько раз громко вдыхает, желая говорить, но не решается. Пойму ли я, знаю ли, что значит для неё семейство ласточек – для неё, отвергнутой, матерью не возвращённой? Пахнет розами. Они там цветут. Вдалеке журчит вода фонтанов. Лицо девушки сияет.

На другой день она рассказывала о том, как рассматривала на улице воспитанников детсада. „Они не такие, как я. Они – счастливее. Они растут в семьях. У меня не было семьи. В тёткином доме, в котором росла, не было согласия. Её муж... меня... ну, вы понимаете... Никому не пожелаю этого испытать. Настоящая мать обо мне ничего не знает. Год назад прислала письмо из Калининграда, спрашивала, не надо ли чего прислать, но не поинтересовалась, как я живу. За мной присматривает совершенно чужая женщина“.

Снова расправляем крылья воображения. Направление – на землю, в которой девушка говорила не словами жертвы. Перед нами – Карелия, надежда дедушки. Маленький дом у воды. Внутри – запах жареной рыбы. Никто не ругается. Здесь у неё, ещё маленькой девочки, есть своё место, она любима. О своей жизни девушка вновь говорит с вдохновением. И что с того, что не хватает литовских слов и мы ищем их общими силами.

„Вы – ближайшие мне люди. Вам рассказала то, чего не сказала другим за всю свою жизнь. Тяжело жить, ни с кем не общаясь, а вы меня понимаете. Моя жизнь изменилась. Меня даже заинтересовала литовская поэзия. Раньше читала только русскую.“

Горизонт открывается пробуждающимся; жертва, оплакивая себя, теряет свободу видеть.

Она глаголит лишь ей свойственным голосом, глядя на самые втоптаные следы земных троп.

Перевод с литовского CLANDESTINUS

Анатолий БАХТИН

3-я мировая война

Пять дней из жизни друзей и знакомых во время 3-й мировой

Сухопутным войскам принадлежит решающая роль в окончательном разгроме наземного противника. Они будут вести боевые действия на полное уничтожение империалистического агрессора, если они осмелятся посягнуть на нашу Родину и другие социалистические страны.

Боевой устав сухопутных войск М., 1964. С.6

Введение:

Ниже перечислены герои этой повести с указанием гражданской специальности и кем они числились в военкомате после прохождения службы в Советской Армии.

1. АЛЕКБЕРОВ Борис Рафитович. Неслучившийся писатель. Плотник. Неоднократно сидел за хулиганство. В армии не служил. «Годе к нестроевой». СА.
2. БАХТИН Анатолий Павлович. Художник? Историк? И т.д. и т.п. Последнее место работы: матрос портового флота – на морском буксире. Сержант запаса. СА.
3. ГРИГУЛЬ Юрий Алексеевич. Художник-оформитель. Поигрывает на гитаре и пописывает стихи. Старший матрос запаса атомной подводной лодки. ВМФ.
4. ШЕВЧЕНКО Александр Петрович. Интересуется теорией живописи. Капитан. Штурман морской авиации. ВМФ.
5. ЧЕРТОВ Сергей Витальевич. Кочегар-художник.

Артиллерист. Призывался на военные сборы, регулярно получая воинские звания. Старший лейтенант запаса. СА.

6. ФИЛИППОВ Юрий Валентинович. Художник-оформитель. Шифровальщик. Старшина 1 статьи (сержант) запаса. ВМФ.
7. МАЛОВ Юрий Алексеевич. Штурман буксира порто-флота. Женат. Увлекался струнной музыкой. Лейтенант запаса. ВМФ.
8. СТАРЦЕВ Алексей. Художник-оформитель. Ефрейтор запаса. СА.
9. ИЛЬИЧЁВА Ольга Михайловна. Машинистка. Художник. Сержант-писарь запаса. СА.
10. ШОСТАК Марина Михайловна. Художница? Кажется, нигде не работала. Пригодна к политработе СА.
11. РОГИНСКИЙ Эдуард Васильевич. Профессиональный безработный. Поэт? Художник??? Сапёр. Старший сержант запаса. СА.
12. СОЛЮЯНОВ Геннадий Николаевич. Художник-оформитель.

Знает польский и немецкий языки. Ефрейтор. Танкист широкого профиля. Радист. Танк Т-62. СА.

13. ХРАППА Вадим Вилурович. Писатель, диссидент. Матрос морской пехоты. ВМФ.
  14. МЕЛЕХОВ Олег Александрович. Художник. Руководитель художественной студии. Увлекающийся Агни-йогой лейтенант запаса. ВМФ.
  15. ОСТРОВСКАЯ Мира Иосифовна. Математик. Инженер-программист. Увлекалась искусствоведением. «Годна». СА.
  16. ОШНИК Эдуард. Профсоюзный босс. Член КПСС. Интересовался живописью. Лейтенант запаса - ГСМ (горюче-смазочные материалы). СА.
  17. ЛЮБКИН Сергей Леонидович. Художник-график. Прапорщик. Пограничные войска КГБ СССР.
- До начала третьей мировой все вышеперечисленные лица хорошо знали друг друга.

Мотострелковый батальон всегда должен быть готов к маршу на большие расстояния
Боевой устав сухопутных войск М., 1964. с.52

Предисловие

Город Кёнигсберг 198... год 13 мая

Последние несколько недель Палыч писал фундаментальное полотно «Оборона Кёнигсберга». На картине орденские рыцари бились с пруссами у стен кёнигсбергского замка. На переднем плане раненый вождь Геркус Монте в окружении своих воинов указывал рукой в сторону комтура Кёнигсберга Дитерихса. Судя по всему, вождь предлагает своим соплеменникам сделать из будущего ландмейстера мелкий фарш.

Палыч с сожалением посмотрел на последний тубик белил. Придётся тащиться в художественный салон.

В это время в прихожей раздался хриплый звонок. Отложив кисть и вытерев тряпкой руки, художник неспешно потащился к дверям.

Из военкомата принесли уже пятую повестку за последнее время. Палыч долго изучал ее, вглядываясь в мелкие буковки, опасаясь вызова на сборы. Однако в повестке ясно указывалось:

*Предлагаю Вам 13 мая 198... г.
к 16 часам явится в
военный комиссариат по адресу Ленинградский РВК ул Тургенева, 22 к начальнику 1 отделения
(комната № 14 телефон №)*

Цель вызова Для нужд воинского учёта.

При явке с собой иметь: военный билет, паспорт

За неявку без уважительных причин Вы будете привлечены к административной ответственности согласно статье 89 Закона СССР О всеобщей воинской обязанности

Ленинградский райвоенком полковник Михайлов.

Печать подпись.

Палыч задумался. После срочной службы, закончившейся для него в 1970 г., он на повестки принципиально не реагировал. Да и вручить ему повестку было сложно. За последние 9 лет он тринадцать раз сменил место жительства.

Долго размышляя и сомневаясь, отправился в военкомат, решив, что постановка на воинский учёт - это всего лишь бюрократический акт и много времени не займёт, а заодно можно будет сходить за белилами.

На улице по-летнему тепло, деревья с уже полной кроной отбрасывали прохладную тень.

Военкомат располагался на улице Тургенева в старой немецкой вилле с башенкой и высокой крышей.

Поднявшись на заваленное окурками крыльцо, Палыч в задумчивости толкнул дверь и зашёл внутрь. Волнение и суета в коридорах поразили его. В бывшем зале гостиной толпились мужчины от 25 и старше.

Опомнился он уже в строю на крытом перроне Южного вокзала перед длинным поездом. Начальник эшелона майор Пантыкин в изрядном подплатии объявил:

- Нас бросают на южный фронт в самое пекло..., - и, не зная, что добавить, приказал выдать НЗ.

Долго стояли в ожидании команды на посадку.

Неожиданно стали запикиваться в вагоны. Какой-то начальник «паники» деловито распределял «нары». Толпа толкалась в проходе, занимая пространство. Пьяного парнишку с красным чулком на шее, мирно лежащего на полу, долго толкали и перешагивали, пока кто-то с бородой, приподняв его, не прислонил к переборке. Провожающие утирали слезы, с нетерпением ожидая, когда же отойдёт поезд.

Прошло ещё минут сорок. Неожиданно паровоз, шумя и дергаясь, двинулся вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Оставшиеся с облегчением вздохнули и побежали по делам.

В вагоне старшина сверхсрочной службы Голопопенко выдавал х/б-б/у¹, сапоги с портянками, шапки-ушанки и дерматиновые ремни с позеленевшими латунными бляхами. Испитой мужик из колхоза «Путь в коммунизм» Полесского района спросил:

- Почему не выдают шинели?

Старшина ответил:

- Легче драпать будет.

Солдат лет тридцати, вероятно из бывших десантников, поинтересовался насчет оружия.

- Перед атакой получишь, - ответил старшина и добавил, - если до фронта доберёшься.

После обеда выдали НЗ. Уже к ночи он весь ушёл на закусь.

Паровоз тащился в южную сторону. Солдатики не просыхали. Тощий парень из Балтрайона утверждал, что афганские душманы прорвались в Ташкент, поэтому их надо срочно победить. Мужик с двумя оставшимися зубами из посёлка Железнодорожный Правдинского района почему-то не соглашался.

На какой-то остановке, немного проспавшись, решили выяснить, где они находятся. Высунувшись в окно, спросили у спешащей по перрону женщины:

- Что за город?

- Первомайский², касатики, - ответила та.

Поезд небыстро тронулся. Набирая ход, застучали на стыках колёса.

- А где это... Первомайский? - спросил Палыч.

Никто не знал. Через день, поздно вечером, эшелон долго стоял на какой-то станции. Решили ещё раз уточнить место нахождения. Выйдя на перрон, обнаружили на здании вокзала надпись «Первомайский»³.

Следующей остановкой опять был «Первомайский»⁴. В вагонах начались странные разговоры. Кто-то высказал подозрение, что их возят по кругу, другие считали, что они всё ещё не выехали из Кал. области, ведь в Кёниге Первомайский тоже есть.

Прошли ещё сутки. Поезд остановился для дозаправки. На здании вокзала солдаты увидели большую вывеску всё с тем же «Первомайский»⁵. По поезду прошел ропот о вредительстве, предательстве и изменах. Слухи дошли до офицеров, пьянствовавших в отдельном купейном вагоне. Майор Пантыкин обещал разобраться на следующей остановке, но не рассчитал дозу, и, когда вновь остановились на вокзале с надписью «Первомайское»⁶, разбудить его не было никакой возможности. Запаниковавшие солдаты, не обратив внимания, что окончание у слова на вывеске другое, на всякий случай избили машиниста и кочегара.

Ситуация накалилась — многие решили, что их везут сразу в плен.

Когда следующая станция опять оказалась «Первомайское»⁷, солдатики стали разбегаться.

Тут из спецвагона вывалился пьяный Пантыкин с капитаном политработником Шмурло Францем Евгеньевичем и особистом ст. лейтенантом Лупцовым. Размахивая пистолетами, они добрались до паровоза и арестовали сильно помятых машиниста с кочегаром. С пинками и зуботычинами арес-

¹ Гимнастёрка с галифе. Хлопчатобумажное — бывшее в употреблении.

² Гродненская обл.

³ Тульская обл.

⁴ Тамбовская обл.

⁵ Куйбышевская обл.

⁶ Саратовская обл.

⁷ Саратовская обл.

тованных доставили в комендатуру, где Пантыкин потребовал расстрелять этих вредителей и саботажников, а взамен выдать новых.

После долгих препирательств к утру собрали новую паровозную бригаду. Эшелон тронулся дальше.

Ночью долго стояли в поле. За это время солдатики обследовали окрестности и, не обнаружив Первомайское, немного успокоились.

На следующий день к вечеру подъехали к небольшому городку. На здании свежевыкрашенного вокзала красовалась надпись «Первомайское»⁸. Из спецвагона вышел красный майор Пантыкин, бледный капитан Шмурло и потный особист Лупцов. Уставившись на надпись, они в растерянности молчали. Из вагонов неслись крики:

- Измена! Спасайся, кто может!

- Отставить! - заорал Пантыкин и прошёл в привокзальный буфет.

Там хватанул стакан «Столичной» долго в растерянности разглядывал пол. Так ничего и не решив, обречённо вышел на перрон, тихо повторил:

- Отставить...

И потащился в вагон. За ним потянулись Шмурло и Лупцов. Поезд тронулся.

Как только стемнело, из вагонов на ходу начали выпрыгивать солдатики. К утру в поезде остались только самые пьяные. Раскачиваясь и постукивая на стыках, поезд, не спеша, куда-то двигался. Клубы чёрного дыма из паровозной трубы тревожно коптили ландшафт. На каком-то повороте заскрежетали тормоза, вагоны с грохотом вползли в населённый пункт, имевший здание вокзала в стиле сталинского ампира и полукрытый перрон. На центральном фронте вокзала распласталась уже привычная всем вывеска: «Первомайское»⁹. Остатки воинства тупо и обречённо поглядывали в окна. На перроне краснощёкие тетки в цветастых платках щёлкали семечки. Из ошестинившегося эшелона никто не вышел.

Крым

*Батальон обороняет водную преграду
обычно на своём берегу.*

*Боевой устав сухопутных войск
М., 1964. с. 147*

День первый

6.15 по московскому времени

В Красноперекопске оставшихся солдат выгнали из эшелона и построили. Через полтора часа из комендатуры появился майор Пантыкин и, распечатав конверт, зачитал приказ:

- Двигаться походным порядком на Первомайское¹⁰.

У майора от неожиданности перехватило горло. Он сглотнул слюну и дрожащим голосом продолжил:

- Прибыв на указанное место, окопаться и занять круговую оборону...

Пока зачитывали приказ, Палыч заскочил в буфет и на последний трюак, приготовленный для белил, купил пачку кофе. На выходе неожиданно встретил Серёгу Чертова в погонах старшего лейтенанта с артиллерийскими эмблемами, в портупее и выпивши. Серега, увидев пехотного Палыча, обрадовано обнялся с ним и начал выяснять: какими судьбами? Палыч попытался в двух словах рассказать железнодорожную эпопею, наблюдая через голову Серёги, как по улице удаляется его родной потрёпанный батальон. Серёга, похлопав его по спине, предложил перейти под его командование. Отметив у того на поясе предназначенную для пустыни двухлитровую фляжку, Палыч, мучаясь совестью, согласился.

Пересев в другой поезд, они тронулись дальше. Замелькали вполне приличные названия: Красногвардейское, просто Гвардейское, Октябрьское и наконец Саки. Прочитав последнее, Палыч расслабился.

В пути Серёга, не забывая плеснуть из фляжки, рассказывал, как он попал в эти тёплые края. Его артдивизион погрузили в Кёниге в эшелон на станции Невского, и они четыре дня ждали, когда подвезут снаряды из 42 арсенала Главного ракетно-артиллерийского управления, что находился в посёлке Ладушкин в 29 километрах от Кёнига. Затем повезли через тот же Ладушкин к польской границе. Сорок километров они ехали четыре часа. Прибыв на границу, выгрузились, поскольку дальше шла европейская колея. Две недели ждали, пока командование решало – колею расширять или подгонять польские поезда? Но тут в районе Штуттгарта натовцы перешли в контратаку и в какой-то долине окружили наш корпус. Командование отдало приказ добираться до фронта своим ходом. Пушки подцепили к машинам, туда же загрузили снаряды и снабжение. Добрались до Эльблонга, кончилось горючее (т.к. планировали ехать эшелонами). Попытались связаться с кем-нибудь по радио, но на связь никто не вышел. Слили оставшийся бензин в бензовоз, отправили Серёгу с шофёром в Кёниг, но где-то на выезде из города они не там свернули и на третий день оказались в Чехословакии. Решили попить чешского пива. Потом поехали в Союз. Карты у них не было, и они рванули на восход солнца. На границе их задержали и передали в особый отдел. Там попытались пришить дезертирство, но что-то не склеилось. В это время поступила заявка из Киевского военного округа на офицера. Так ни в чём и не разобравшись, бензовоз с шофёром отправили на север, а Серёгу на юг – со спецзаданием.

На конечной станции Палыч приглядевшись, обнаружил на выходе панику. Пронёсся слух, что турки высаживают морской десант не то в Баку, не то в Батуми. Пехотинец предложил отступать, но Серёга объяснил, что Баку – это далеко, и выдал ему стальной шлем. У пробегающей с мешком старухи Палыч выменял на каску стакан семечек. Нахлобучив

⁸ Ростовская обл.

⁹ Харьковская обл.

¹⁰ Крымская обл.

её на голову, старая скрылась в сторону моря.

9.05 по московскому времени

Выбравшись за город, ст. лейтенант-артиллерист и пехотинец тормознули военную полуторку и рванули к пункту назначения. Сидя в кабине, ст. лейтенант систематично прикладывался к фляжке. Палыч, сидя в кузове, плевал за борт шелуху и наблюдал за тянувшимся за машиной густым и длинным шлейфом пыли. Подъезжая к городку Красноярское, на безлюдной дороге подобрали матросика.

Матрос, забравшись в кузов, оказался Филипповым Юриком – хорошим знакомым Палыча. Пожав руки, они разговорились. Филиппов, оказывается, направлен в спецбатальон радистом-шифровальщиком. Палыч, зная, что радисты самые осведомлённые люди, поинтересовался новостями. Оказалось: наши до Парижа ещё не дошли, но Аляску почти всю уже заняли. Вернули, так сказать, в родное лоно. Турки через Кавказ вышли на подступы к Армавиру, а мы им за это Стамбул на бок своротили. Макаронники отступают к лягушатникам. Норвежцы уже третий день в Мурманске пьют рашен водку, и на Новой Земле что-то размонтировали.

Палыч спросил:

- А когда же мы водородкой шарахнем по Вашингтону?

Юрик, задумавшись, предположил, что на днях этот вопрос будет решён.

Так за приятной беседой прошло минут сорок. Полуторка пылила по бережку. Юра глянул за борт и решил, что подъезжают к Каркинитскому заливу. Перевалив за холм, наткнулись на штаб. Выбрались из машины. Палыч с Юриком расположились на обочине у плетня, а ст. лейтенант Чертов ушёл к отцам-командирам за приказом (пить водку).

Часа полтора пехотинец и шифровальщик млели под солнышком. Впечатление портила выданная ещё в эшелоне дукатовская «Прима». Ничего хуже курить не приходилось, вместо табака – опилки и солома. Разговор зашёл о вкуснейшей клайпедской «Приме». Юра полагал, что в ней 35% нормального табака, Палыч настаивал на 45%. Из чего состояли остальные ингредиенты, мнения разошлись полярно. Пехотинец настаивал на биологических добавках, а шифровальщик полагал химические.

13.00 по московскому времени

Палыч в алюминиевой кружке заварил кофе, и они с Филипповым продолжили неспешный разговор. Юра рассказал, как он оказался в Крыму.

- Попал я в Венспилс, а там только подводные лодки остались, ну и воткнули меня на «железку». На следующее утро выход в море, и сразу под воду. Вдруг боевая тревога! Торпедная атака! - БЧ-5 к торпедной атаке готова! Пятый, шестой аппараты товсь! Есть, товсь! Тишина... Пли!!! Есть пли! Общший вздох. Доклад. - Товарищ командир торпеды вышли. Бип акустики докладывают. – Слышу шум винтов торпеды. Тишина... Вдруг доклад - цель поражена¹¹. Ну поражена так поражена, я шифров-

ку составил, отправили на базу. По случаю победы командиры выпили.

Первое, что обнаружили по приходе в базу: в пятом и шестом аппарате торпеды никуда не выходили. Замполит с перепугу доложил, куда следует.

Командира вызвали и так долго вставляли во все щели, что он лишился дара речи и всю процедуру находился в состоянии небывалого оупения. Потом он на сутки замочил мозги в чистом спирту и когда пришёл в себя, заорал на пирсе:

- *андон штопаный!!! Пидор македонский! Я-я-я! Дни и ночи! Напролёт... как проститутка! В одной и той же позе! ... Не ме-ня-я бе-ль-яя! Трахали все, кому не лень! Я не спал... не жрал... У меня кожа на роже стала, как на жжжо-пе у кроко-дила! Откуда он взялся на мою лысую голову! Где нашли это чудо природы? Где!? Я вам что!?¹²

- Ну замполита перевели куда-то, командира разжаловали, а точно в полдень 13 мая военно-морскую базу с одного захода УАБами¹³ GBU-15¹⁴ разбомбило звено натовских тактических истребителей-бомбардировщиков F-104 «Старфайтер». Пока ПВОошники добежали до своих ракет, всё «железо» у пирсов лежало на дне, с дырками, одни перископы торчали.

Наконец вернулся старший лейтенант Чертов, назначенный командиром батальона особого назначения по отражению турецкого десанта (БОН-ПОТД). Батальону приказано прикрывать побережье Каркинитского залива.

Вскоре подъехал грузовик, доверху заваленный ящиками. Лейтенант сел в кабину и припал к фляге. Грохнув десяток ящиков на дорогу, Юрик с Палычем устроились в кузове. Махнули по бережку. Погода была южная. Мяленькие тучки шуршали по небу, переползая от горизонта к горизонту. Дул тёплый ветерок. Тяжело гружённый грузовик плавно покачивался на неровной дороге.

«Повезло мне, - подумал Палыч. - Никогда в Крыму не был».

Часа через три прибыли на место. Оно было расположено в старой большой избе над обрывом. Небольшой, заросший травой двор местами был огорожен древним забором времён барона Врангеля. Во дворе у забора стоял ещё более древний, покосившийся сарай. За сараем и забором – потухшая полевая кухня. Недалеко от кухни – старое засохшее дерево, на котором в гражданскую войну красные и белые, махновцы и зелёные по очереди вешали друг друга. В центре двора был блиндаж в три наката времён второй мировой войны, напоминавший о героическом прошлом румынской армии.

Внизу под обрывом мокрым блинчиком шепелявил залив с уснувшими на нём чайками.

Зайдя в помещение, наткнулись на ефрейтора Ильичёву со Шпандина¹⁵. Сидя за обшарпанным

¹¹ I с.97-98

¹² I с.100

¹³ УАБ - управляемая авиационная бомба

¹⁴ “Зарубежное военное обозрение”, Москва, № 1, 1983 с.58

¹⁵ Бывший Шпандинен, район на южной окраине города

столом, она грохотала на разбитом «Ундервуде». Рядом лежал импортный противогаз. Поздоровавшись, Палыч сразу поинтересовался:

- Где достала?

Михална небрежно бросила:

- Трофейный.

Лейтенант Чертов прошёл к начальнику штаба, через минуту вышел, поковырял в затылке и объявил:

- Начштаба – йог.

- Ясно, - решили Палыч с Филипповым. – Война... бывает...

Лейтенант в сомнении икнул.

Выйдя прогуляться на берег, Палыч обнаружил соседа по дому Эдика Огинского в шинели и в шапке-ушанке. Тот метался по пляжу, закапывая где попало противопехотные мины.

Палыч поинтересовался:

- Почему – только противопехотные?

Эдик непонимающе выпятился. Палыч объяснил:

- А вдруг – танки.

- Это из моря-то? - недоверчиво проворчал Эдд.

- А плавающие?

Удрученный Эдд воткнул в песок лопатку, почесал под мышкой, и поплёлся к штабу.

Палыч, окинув взглядом водные просторы, потащился за ним, внимательно глядя под ноги. Над головой на бреющем полёте пролетел аэроплан. На боку у него красовался жёлтый полумесяц. Задумавшийся Эдд его даже не заметил.

18.13 по московскому времени

Войдя в приемную, сапёр галантно поцеловал Михалне руку и спросил:

- Саныч у себя?

Михална подтвердила.

Палыч удивился:

– И Саныч здесь? Он же – моряк?

Хмуро пуская сигаретный дым, Михална сказала:

- Списался по состоянию здоровья. Он у нас – начштаба.

- Так там же йог!? - удивился Палыч.

- Да нет, просто Саныч сегодня медитирует.

Заглянув в кабинет, Палыч увидел, как его кум, сидя на столе в позе лотоса, созерцал свой пуп. Из униформы на нём были только трусы.

- Саныч, привет! - закричал Палыч.

Тот вздрогнул, посмотрел потусторонним взглядом и медленно кивнул в ответ.

- Как ты сюда попал? - поинтересовался пехотинец.

- Да тральщик мой утонул, когда в Стамбуле десант высаживали.

- Ну и как, Босфор захватили?

- Нет, - сказал Саныч грустно.

- А в чём дело?

- Так ведь тральщик утонул.

- Ясно, - понял Палыч. - Бывает. А из наших ещё есть кто-нибудь?

- Старцев ефрейтор и рядовой Алекберов.

- Отлично, - обрадовался Палыч. - А где они?

- Старцев Ленинскую комнату оформляет, а Боб к Эдуарду Ошнику на склад ГСМ¹⁶ за горючим поехал.

Помечтав о чём-то, Саныч спросил:

- Командир БОНПОТД прибыл?

- Да. Вместе со мной, - ответил Палыч.

- Что за мужик? - спросил Саныч.

- Да Чертов Серёга, - ответил Палыч.

- Это хорошо. А то я карту побережья куда-то сунул, и уже неделю она мне на глаза не попадается.

- Ничего страшного, - успокоил Палыч, - валяется где-нибудь. У меня это часто бывает. Найдётся, когда не надо. Слушай, а что, война – давно началась?

- Да уже давненько, - неуверенно ответил Саныч, - может месяц, может и два. - Он замолчал, взгляд затуманился, и глаза мягко переместились на пупок.

Поняв, что человек при деле, Палыч вышел из кабинета.

Михална курила «Пэл Мэл». Стрельнув у неё сигаретку, пехотинец поинтересовался:

- Где достала?

- Трофейные.

Очень кстати вспомнив, что ещё не получал жалованье, Палыч спросил:

- А где у нас тут финотдел?

Она указала за окно:

- В блиндаже.

Выйдя во двор, Палыч спустился в блиндаж. Там за столом около свежевыкрашенного сейфа сидела и щёлкала на счётках хорошо знакомая по Кёнигу программист Островская Мира Иосифовна, почему-то в штатском.

Поздоровавшись, Палыч попросил денег.

- Понимаешь, даже на сигареты нет. У Михалны стрелять приходится, - объяснил он. И, помявшись, добавил:

- Да и тебе трояк отдать надо.

Мира долго объясняла, что на него нет ведомости, поэтому согласно приказу Управления вещевого и денежного довольствия Советской Армии, деньги выдавать запрещено, не положено, нельзя ни под каким предлогом, но потом дала два рубля, пообещав из получки высчитать пять.

Выбравшись из блиндажа и в хорошем настроении послонявшись по двору, Палыч вновь зашёл в штаб. Михална по-прежнему курила «Пэл Мэл», примеряя солнцезащитные очки.

Выяснив, что очки – трофейные, пехотинец ткнулся к комбату выяснить, когда его поставят на довольствие. Тот сидел в центре комнаты и допивал бутылку вина «Изабелла». Заметив краем глаза пехотинца, допив бутылку, приказал по прибытии обоза направить к нему рядового Алекберова Бориса Рафитовича.

- Будет сделано! - отрапортовал Палыч.

¹⁶ Горюче-смазочные материалы

И тут же влез с вопросом:
- Когда будет завтрак?
- Во время ужина, - ответил командир.
Выйдя на крыльцо, Палыч уставился на дорогу в ожидании обоза.

21.11 по московскому времени

После ужина из-за горизонта появилась телега, запряжённая лошастью неопределённой масти. Подковыляв к штабу, лошадь остановилась.

В телеге Палыч обнаружил спящего Борю. В руке у того была зажата початая бутылка с этикеткой «Противотанковая жидкость». Боря всхрапывал и угрожающе скрипел зубами. Над телегой колыхался плотный запах ректификата. Поняв, что разбудить Борю не удастся, Палыч взял ящик с противотанковой жидкостью и затащил его к командиру.

Над расположением штаба протарахтел турецкий аэроплан.

Старший лейтенант, всё еще сидя за столом, взглянул на пехоту и спросил:

- В чём дело, сержант?
- Обоз прибыл, рядовой состав пьян, турецкий аэроплан в нашем расположении.
- Ящик на стол, рядовой состав уложить спать, самолёт сбить, а начштаба немедленно вызвать ко мне, - распорядился ротный.
- Есть, - сказал Палыч и потащился к Санычу. Тот сидел в позе лотоса, посматривая на живот.
- Шеф вызывает, - рявкнул Палыч с порога.
- С картой? - спросил Саныч.
- А фиг его знает.
- Вы свободны, - потусторонним голосом заявил Саныч, и взгляд его вернулся к животу.

Выйдя от начштаба, Палыч подошёл к Ильичёвой. Та продолжала курить «Пэл Мэл», и время от времени прикладывалась к бутылке «Камю». Узнав, что коньяк – трофейный, Палыч стрельнул сигарету и вышел. Потом, усевшись на крыльцо, с наслаждением закурил.

Под яблоней Эдд, шевеля губами, писал заявку на противотанковые мины и бикфордов шнур.

Темнело. За забором лошадь с хрустом доедала лопух. Боб во сне скрежетал зубами и ухал филином.

«Наверное, в плену был», - расслабленно подумал пехотинец.

Из окна ленкомнаты высунулся весь запоганенный гуашью ефрейтор Старцев. Поинтересовался:

- Кто у нас сейчас генсеком?
- Не знаю, - честно ответил пехотинец. - Вот из политотдела завтра приедут, ты у них поинтересуйся.

Старцев протяжно потянулся, взглянул на луну, докурил сигарету и, пробормотав:

- Пора спать, - скрылся в глубине ленкомнаты.

23.01 по московскому времени

Палыч посматривал вполглаза на небо, вслушивался в тишину и ждал турецкий аэроплан. Вдалеке послышался надрывный звук автомашины, приближаясь, она подвывала на косогорах. Подъехав к штабу, остановилась, из неё выскочили солдатики

и быстро разгрузили под забор какие-то ящики.

- Что привезли? – лениво крикнул Палыч.

Те, не ответив, забрались в машину и скрылись в темноте.

Тишина. Только насекомые громко копошились в кустах смородины.

«Неужели в самом деле началась третья мировая?», - сонно подумала пехота.

Противовоздушная оборона в батальоне организуется с целью обнаружения и своевременного оповещения личного состава.

Боевой уст., с.48

День второй

7.47 по московскому времени

Утром на заборе заверещал одичалый петух.

Разведя во дворе костерок, Палыч поставил воду и заглянул в ленкомнату. Разбудил Старцева, стрельнул у него ленинградский «Беломорканал», заварил кофейку, закурил папиросу и, отхлёбывая кофе, начал медленно просыпаться. Затем сходил к кухне за завтраком.

Утро было тёплое, и он решил искупаться. Но к счастью, вовремя заметил на берегу Эдика, присыпавшего песком мины.

- Послушай! - закапризничал пехотинец. – Что за привычка – с утра поганить пляж?

- Приказ, - ответил старший сержант.

- А если я желаю искупаться и позагорать.

- Нельзя, - сказал Эдд. – Вдруг турки десант высажат и тебя в плен захватят.

- Да что ты обо мне беспокоишься, ты лучше свяжись со штабом армии и потребуй противотанковые мины. А радиogramму Филиппов отправит, он в сараюге рацию установил.

Эдд закопал Палычу под сапоги оставшуюся мину и поплёлся в штаб.

В это время на обрыве показался командующий БОНПОТД. Увидев грустного Эдда, хриплым голосом отдал приказ вырыть вокруг штаба и вдоль берега окопы. Потом, задумавшись, добавил:

- А также установить рядом с тумбочкой дневального знамя.

Эдд взвился:

- Чуть что, так – сапёры!

Серёга мотнул Палычу головой и нетвёрдой походкой удалился.

На бреющем пролетел турецкий аэроплан.

Посмотрев ему вслед, пехотинец бодрым шагом двинулся за командующим. В кабинете у Серёги с утренним докладом находился радист-шифровальщик Филиппов. Из доклада Палыч понял, что должно прибыть пополнение и, как уже было известно, проверка из политотдела. Когда Юрий вышел, ст. лейтенант принялся за пехоту:

- Почему не уничтожен турецкий самолёт? Как долго будут продолжаться эти наглые налёты на расположение нашего батальона?

Палыч объяснил, что наглость турецкой авиации вызвана отсутствием у нас противовоздушной обороны. К тому же, без гаубицы Д-30, добавил он, зная особую любовь командира к этому виду

оружия, мы не сможем отразить турецкий десант.
- Одними минами сыт не будешь. А тем более – противопехотными.

У старлея загорелся глаз.

- Хорошо, ты свободен, - сказал он, и добавил:

- По прибытии обоза – доложить.

Командир полез в стол и достал литровую бутылку.

- Иди, иди, - махнул он Палычу рукой.

Развернувшись и обиженно чеканя шаг, тот вышел из кабинета.

Михална прикуривала сигарету от импортной одноразовой зажигалки.

- Где достала? - поинтересовался Палыч.

- Трофейная.

Пехотинец спустился во двор.

На заборе кучерявился петух, в пыли кочевряжились куры.

9.00 по московскому времени

Подъехала и мягко остановилась чёрная «Чайка».

Решив, что там как минимум генерал-полковник, Палыч на всякий случай вытянулся по стойке смирно. Оказалось – машина политотдела. Из неё вышла Маринка Шостак, знакомая из Кёнига. Сходу она попыталась стрельнуть у Палыча сигарету, но тот только развёл руками. Тогда Шостак отправилась в ленкомнату проверять оформление наглядной агитации.

Палыч спросил вдогонку:

- Кто у нас сегодня генсек?

Она остановилась на секунду и важно ответила:

- Глава КПСС! Пора бы знать, - и скрылась за дверью.

Из «Чайки» вылез прапорщик – Любкин в зелёной фуражке пограничника.

Пехотинец поинтересовался:

- А ты-то, что здесь делаешь?

- Проверяю границу, - ответил тот. - Где здесь пограничная полоса?

Пехота ему объяснила, что весь пляж, а именно по нему проходила граница СССР, уделан Эдиком в полный хлам. Все истыкано минами и перекопано километра на два в обе стороны.

Любкин стал возмущаться:

- Как же мы будем бороться с натовскими диверсантами? Полный бардак в Советской Армии!

Одёрнув полы кителя, он отправился к командиру.

Пехотинец пошёл за новостями в сараюгу, где шифровальщик устроил радиостанцию.

Юра Филиппов отдыхал на сеновале, потягивая из противотанковой бутылки противотанковую жидкость. Эдд крутил ручки настройки радиоприемника.

Пехотинец спросил у Филиппова:

- Что это Эдд делает?

- Пытается радио «Люксембург» поймать, а из ящика сплошные гимны стран Варшавского договора передают. Он не верит, что Великое Герцогство Люксембург гэдээровцы ещё три дня назад взяли.

У штаба раздались гудки подъехавшей автомашины.

Они выглянули во двор. У калитки стоял и кому-то сигнализировал газик типа «козёл».

- Не иначе генерал какой-то прибыл, - хмуро сказал Эдд.

- Иди, встречай, - предложил он пехотинцу.

Тот кинулся к газу и открыл двери. Из машины, в бушлате, держась за сердце, выбрался старший матрос Григуль Юрий Алексеевич, за ним – лейтенант ВМФ Малов Юрий Алексеевич. Пожав пехотинцу руку и выяснив, где командир, оба направились в штаб.

Филиппов крикнул из сарая:

- К нам что, морская пехота прибыла?

- Выясним, – ответила сухопутная пехота.

Вышли моряки от командира часа через три в прекрасном расположении духа, беседуя о сложностях игры на семиструнной гитаре. Воткнувшись в разговор, пехота поинтересовалась, как они сюда попали?

Оказалось, корабль из 64-й бригады¹⁷, на котором Малов отправлялся к берегам Швеции, при выходе из ВМБ¹⁸ Балтийска утонул, налетев на «Октябрину»¹⁹. Командование крейсера приняло их в темноте за датчан и пальнуло из главного калибра. Вероятно, с перепугу – попали²⁰. Малов в рукопашную доплыл до берега, благо они не далеко отошли. В 26-ю бригаду противолодочных кораблей его не взяли и списали на берег.

Со старшим матросом Григулем всё было проще. Решив, что на время войны ему надлежит вернуться на свою атомную субмарину, он направился в Североморск. По прибытии на место оказалось, что личного состава несколько больше, чем могли вместить подводные лодки. В морскую пехоту Юрий Сеич гордо не согласился и некоторое время перебивался на камбузе при кают-компании.

Затем его с капитан-лейтенантом Тараптазовым Михаилом Михайловичем отправили в командировку на юг – в Севастополь. Понадобились торпеды с ядерными боеголовками, но они по распоряжению главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения заместителя министра обороны СССР генерала армии В.Ф. Толубко были направлены на базу Черноморского флота. Этот флот со своими дизельными подлодками не имел торпедных аппаратов такого диаметра. Но отправлять их на Северный флот отказались, сославшись на то, что самим пригодится. Чтоб получить эти торпеды капитан-лейтенанту Тараптазову были выданы канистра спирта, палтус холодного копчения и приказ без торпед не возвращаться. Канистра была достаточно тяжёлой и неудобной для ручной транспортировки. Тогда на высшем уровне

¹⁷ Корабли охраны водного района, в него входили противолодочные корабли 3 ранга и тральщики.

¹⁸ Военно-морская база.

¹⁹ Крейсер «Октябрьская революция».

²⁰ Автор в 1984 г. как-то наблюдал стрельбу крейсера по движущейся мишени. За полтора часа непрерывного огня не было ни одного попадания в цель.

было принято решение направить ему в помощь старшего матроса Григуля Юрия Алексеевича.

Как только они сели в поезд, изрядно выпивший МихМих взял у Юрика канистру и наливая в стаканы доверительно сказал.

- Я лично отношусь к замполитам как к чastiце нашей истории. Мне не хочется дать ему по морде, или задушить своими руками пуская слюни удовольствия. Мне не хочется его застрелить лично, как это мечтают сделать некоторые наши офицеры. Я люблю его слушать. Если оторвать зама от конспекта, то можно от него услышать много любопытного. Например: «Торчат гвозди из наглядной агитации»²¹.

Выпив он продолжил.

- У меня как-то был замполит, рост два метра и кулаки с голову шахматиста, однажды он проводил индивидуальную беседу перед строем, цитирую: «Я уже задрался идти вам навстречу!!! Облупился весь! Ноги отстёгиваются! Куда не поцелуй вас, везде жопа! Ублюдки! (Волосатый кулак под нос.) Вот вам, суки, и вся политработа! Всем понюхать! ...Все понюхали, а теперь на горшок и спать».

- До сих пор удивляюсь, почему космонавтов в космос без замполитов отпускали.

Выпив ещё, Тараптазов сказал:

- Ты, я вижу, человек интеллигентный, поэтому канистру и палтус я доверяю таскать тебе.

Добавив ещё грамм по сто, они завалились спать.

Москву с вокзала на вокзал они преодолели почти без происшествий. Попавшийся у станции метро патруль попытался конфисковать канистру, запугивая их арестом за непотребный вид и нарушение формы одежды, но в конце концов согласились на литр и пару палтусов.

Отъехав от Москвы и приняв на грудь, МихМих продолжил: «А ты знаешь Юра, что раньше у замов было трёхгодичное высшее образование? На первом курсе они изучали основы марксистско-ленинской философии и историю КПСС. На втором - игры и танцы народов мира, с практической отработкой и зачётом, а на третьем курсе – плакаты, боевые листки и шестнадцатимиллиметровый проекционный аппарат. Целый год – аппарат, а затем госэкзамены. И вот такие ребята-октябры, Юра, нами руководят и ведут нас, и куда они нас приведут со своим трехклассным образованием – одному только Богу известно. Замполит, конечно же, нужен для оболванивания масс, но не с другой же планеты!». Потерялись они в Пензе, когда капитан-лейтенант в состоянии полного одеревенения неожиданно вышел на остановке в буфет добавить. В это время старший матрос, засыпая и вновь просыпаясь, пытался выдоить из канистры ещё глоточек. Когда он ухитрился нацедить грамм 20, поезд в районе города Сердобска пересекал областную границу. Добравшись до Севастополя, он прямо на вокзале попал в комендатуру и, пройдя все фазы, стадии, ступени и этапы особого отдела, был направлен в БОН-ПОТД. В городе Саки встретил Малова, по случаю выпили, и в результате оказались здесь.

Чертов назначил Малова замом по тылу, а Григуля – старшиной, решив, что старший матрос равен старшине. Стоявший рядом Эдд, тут же вытащил бумагу и сунул Малову на подпись. В ней значилось, что для прикрытия побережья Киркинитского залива от турецкого десанта требуется 30 тонн тротила и 5 км бикфордова шнура, а так же сапёрная лопатка.

Лейтенант Малов невозмутимо подписал. Тут же Эдд вытащил ещё одну бумагу и сунул её на подпись старшему матросу. Узнав, что для протирки сапёрной лопатки ежедневно требуется половина литра чистого спирта, Юрий Сеич с удовольствием подмахнул документ. Эдд тут же скрылся из виду.

12.55 по московскому времени

Народ рассосался. Пехотинец развёл костерок, сварил кофе и зашёл к Михалне за сигаретой.

Та грохотала на «Ундервунде» очередной приказ: «О дополнительном укреплении данного направления артиллерийской батареей гаубиц Д-30».

Палыч потягивал во дворе кофе с сигареткой.

После обеда неожиданно над самой крышей с грохотом пролетел турецкий аэроплан. Из штаба выскочил командир и, глядя вслед скрывшемуся за холмом самолёту, начал нецензурно выражаться. За ним на крыльцо вышел пограничный Любкин в хорошем подпитии. Из окна ленкомнаты высунулись ефрейтор Старцев и представитель политотдела Шостак, из сараюги – сонный шифровальщик Филиппов. Над забором появились две головы – старшины Григуля и зама по тылу лейтенанта Малова. Из блиндажа осторожно выглянула Мирочка и спросила, не бомбят ли?

Любкин внимательно осмотрел окрестности и сказал:

- Надо их прочесать, может быть, натовцы сбросили диверсантов?

Последним из штаба вышел Саныч в трусах и, поглядывая на всполошившийся народ, произнёс:

- Ветер Шамбалы достиг Киркинесского побережья.

Старцев, воспользовавшись, что все оказались в сборе, спросил:

- Кто у нас сейчас Генеральный секретарь Коммунистической Партии Советского Союза?

Батальонное руководство задумалось.

Чертов начал размышлять логически:

- Брежнев, кажется, умер?

Все утвердительно закивали головами.

- Затем был этот, на батарейках... - командир уставился в небо, пытаясь вспомнить.

- Андропов! - подсказал Любкин. Всё-таки пограничники – это КГБ.

- А затем был этот, который работал от сети, - подсказал Малов.

Все стали с напряжением вспоминать фамилию.

- Какой-то с чёрной аурой, - сказал Саныч.

- Точно-точно, - закричал ротный старшина. -

Не то Черносливный, не то Черногривый.

- Черномордый, - подсказала Мирочка.

- В нашей партии негров нет, - запальчиво выкрикнула Шостак.

²¹ А. Покровский. Расстрелять! С.П. 2003. С. 33

- Ладно, девочки, не будем ссориться, - сказал командир. Оглядев подчиненных, приказал:

- Всем вспоминать! А кто вспомнит – немедленно доложить в штаб. Разойтись! – приказал он и скрылся в доме.

Все разбрелись.

К вечеру начали подвозить противотанковые мины.

Эдд радостно ковырялся в них, не заглядывая в инструкции. Когда подошла 12 или 13 машина, зам по тылу выразил беспокойство. Весь двор и прилегающий к нему гектар оказались заставлены и завалены ящиками с противотанковыми минами. Малов приказал старшине заготовить таблички с надписью «мины». Григуль пошёл в ленкомнату к батальонному художнику и застрял там до подхода обоза.

21.00 по московскому времени

К калитке подкатила телега. Пехотинец доложил командиру батальона о прибытии долгожданного обоза. Тот приказал доставить противотанковую жидкость и вызвать начштаба, зам по тылу, сотрудника политотдела, застрявшего пограничного прапорщика и старшину роты.

Выйдя в приёмную, Палыч глянул на курящую «Мальборо» Михалну. Та перед зеркалом делала маникюр. Узнав, что всё трофейное, Палыч заглянул в кабинет к Санычу и, отметив краем глаза, что у того медитация, передал приказ командира роты.

Саныч, выходя из транса, осторожно спросил:

- С картой?

Палыч подумал и ответил, что, пожалуй, можно и без неё.

Выйдя от Саныча, поинтересовался у Михалны:

- Где зам по тылу?

- Пишет жене письмо, - ответила она.

Заглянув в ленкомнату, Палыч какое-то время наблюдал, как батальонный художник Старцев вырезает трафарет «МИНЫ». В углу старшина в тельняшке брэнчал на гитаре, Шостак, куря чужие сигареты, качалась на табуретке и разглядывала плакат «Всё для фронта, всё для войны».

Пехотинец вышел на улицу. Боря спал в телеге, лошадь в оглоблях меланхолично дожёвывала лопух.

Взяв ящик с противотанковой жидкостью, Палыч отнёс его к командиру. Серёга мрачно пересчитал бутылки, вытащил одну и предложил пехоте. Взяв под козырёк, та рывкнула:

- Служу Советскому Союзу!

- Вольно, вольно, - пробурчал командир. - Свободен.

- Рад стараться! – грянул в ответ пехотинец и затих.

В ночном небе послышался стрёкот турецкого аэроплана.

- Да, кстати, вражеский самолёт ещё не уничтожен? – спросил Серёга.

- Никак нет, - ответил Палыч.

- А как светомаскировка? Соблюдается?

- Да разве можно её соблюсти – кругом ящики, мины, сам чёрт ногу сломает!

- Ну, хорошо, вызови мне финчасть.

Палыч потащился в блиндаж.

Мира мягко посвистывала в раскладушке. Разбудив её, он доложил, что вызывает командир батальона.

- У меня квартальный отчёт, - заворчала Мирочка и перевернулась на правый бок.

Уставший от войны пехотинец потащился на сеновал.

Только разлили они с Филипповым, зашёл Эдд. Пришлось налить и ему.

Эдд тщательно следил за нормой выдачи и когда убедился, что ему налили не меньше, ласковым взглядом окинул окружающих.

- Выпьем же за наш большой поэтический мазок!

- И снова нальём, - предложил шифровальщик.

В сараюгу вошёл старшина с противотанковой бутылкой. Его тоже приняли в компанию. Разлили по стаканам, и сапёр снова выразился:

- Искреннее искусство – это истинное искусство.

Постучав в дверь, зашли Саныч с командиром. Потом – представитель политотдела, пьяный Боря, зам. по тылу, батальонный художник, секретарь-референт и все остальные. Командир выставил ящик противотанковой жидкости. Разлили, выпили.

Сапёр вещал:

- Палыч среди амбразур и святилищ – оранжевый луч среди рассветов! Ах, если бы эта ассоциация равнялась бы воззрениям тебя! Так иногда берег моря кричит и здравствует, что есть на свете благородные люди, которым стоит поклоняться, как самому себе.

Внимательно выслушав Эдда, Саныч провозгласил:

- Эту не совсем полную тару с благородной жидкостью я выпиваю за журнал «Химия и жизнь».

Всё примолкли, и только Эдд подхватил:

- Правильно, зашёл чистеньким и вышел чистеньким.

- Да, - закивали все. - Химия!

Закурив и успокоившись, выпили ещё.

Эдд продолжил свою трансцендентную мысль:

- У каждого художника должна быть своя песня.

Боб его перебил:

- Помню, как-то раз был я трезвый...

Но в это время сцепились зубры.

Юрик Григуль:

- Сугубо индивидуальное начало.

Саныч:

- Поиск глубоких внутренних структур.

Юрик:

- Крепкое мужское начало в живописи.

Саныч:

- Долой раблепные позиции. Их нет.

Юрик:

- Я хочу писать, как я хочу писать.

Саныч:

- В художнике нет полного слияния «что хочу и что могу». Он стремится к этому всю жизнь.

Юрик:

- Плевал я на ремесло.

Саныч:

- Отсутствие ремесла плюс чувствительность равно самодельности.

В этот момент в чьей-то голове родилась трезвая мысль:

- А не залить бы нам шары.

Выдав обильное слюноотделение, все согласились, раздалось «бульк», и опустошённая тара стукнула об стол.

Боря похлопал Эдда по плечу и начал говорить:

- Я сидел в лагере и считал, что там моё место, сейчас сижу здесь и считаю, что здесь моё место.

- Да, - согласился Эдик. - Надо пережить многое, чтобы не переживать.

Саньч, закулив, глубокомысленно произнёс:

- Чёрт возьми, как подумаешь, сколько мыслей бывает в голове! А выходит продукция.

Разливая в стаканы жидкость, Боб задумался и Эдду на одну «бульк» перелил больше. Расчувствовавшись, Эдд, плотая слезу, решил его осчастливить:

- Боб, возьми мою картину. Если хочешь, возьми другую.

*В целях противовоздушной обороны командир батальона обязан:
организовать наблюдение за воздухом.
Боевой Устав, с.49*

День третий

8.02 по московскому времени

Утром на заборе заверещал одичавший петух.

Пехота, подняв голову, открыла глаза и огляделась вокруг. Из сараюги в накинута на плечи шинели вышел Эдд. Сгорбившись, с трудом перебирая ногами, он двинулся в сторону высоких лопухов.

Поднявшись, Палыч взял топор и начал крошить на дрова ближайший ящик. Накрошив щепы, развёл костерок и стал готовить кофе. К нему подошёл старшина в рваной тельняшке, внимательно посмотрев на манипуляции пехотинца, сплюнул и пошёл в кабинет к командиру. Устроившись на крыльце, пехотинец пил кофе и обозревал окрестности. Боря встал рано, и обоз до петуха отбыл на ГСМ.

Из блиндажа вышла Мирочка и, разводя руки в стороны, начала делать зарядку. Временами она пыталась присесть.

Из трубы полевой кухни потянуло дымком.

Наконец вышла Михална, и Палыч стрельнул у неё хорошую сигаретку. С удовольствием затянувшись, задумался о сути временного.

«Прежде всего, нет ничего постоянного временного. Так как всё временное удивительно постоянно. Вечно – только всё временное, потому как вечность – не всегда постоянна. И ничего постоянного временного быть не может. Только всё временное, единственная постоянная штучка-дрючка».

- Да... Хорошие сигареты курит Михална.

Над расположением БОНПОТД появился турецкий аэроплан. Покачивая крыльями, он медленно дал круг и полетел на юг.

Во двор вышел пограничник и стал опрашивать присутствующих на предмет высадки натовских диверсантов:

- Парашютов в небе никто не видел?

Все стали утверждать, что в небе парашютов не было. Только выбравшийся из дальнего угла Эдд недовольно намекнул, что он, кажется, видел один парашют, но без парашютиста. Успокоившись, все потянулись к кухне. И только пограничник с сомнением поглядывал на небо.

Начался приём пищи. Народ вяло скрежетал в котелках ложками и с трудом пропихивал «шрапнель» внутрь себя. Все поглядывали на дорогу в ожидании обоза.

К пехотинцу, с трудом жующему кашу, подобрался сапёр и, глядя ему в котелок, произнёс:

- Неужели, чтобы умереть, человеку для чего-то нужно понять, зачем он не умер раньше?

- Глубоко копаешь, - уважительно ответил пехотинец.

Вышел Саньч в синих трусах и пригласил женщин искупаться. Те радостно потянулись за ним на пляж. Шостак из политотдела на ходу натягивала купальник. Захватив из ленкомнаты таблички с надписью «МИНЫ», за ними потянулся Эдд. Командир хотел что-то вякнуть, но решил экономить силы на вечер.

Вскоре прибыла колонна автомобилей с гаубицами. Отцепив четыре пушки и разгрузив снаряды, колонна автомобилей убыла.

Командир с огоньком в глазах из последних сил, подошёл к пушкам и стал возмущаться.

- Я же заказывал Д-30, а они что прислали? Старьё, М-30 образца тридцать девятого года 122 миллиметра.

Затем, выбрав гаубицу получше, развернул ствол в сторону моря, подозвал пехотинца и приказал:

- Заряжай!

Пехотинец с трудом открыл ящик со снарядами, выбрал полегче и попытался его воткнуть в казённую часть. С первой попытки это не удалось, и он предложил пострелять вечером. Серёга не согласился и пообещал бабахнуть ровно в полдень.

- Как в Ленинграде с Петропавловки, - вспомнил он летнюю поездку восемьдесят второго года.

11.59 по московскому времени

Но пехотинцу повезло, из штаба флота прибыл представитель морской авиации Шевченко Александр Петрович.

- Противовоздушную оборону вызывали? - поинтересовался он.

- Так точно, товарищ капитан, - вытянулся и отдал честь пехотинец.

- Вольно, боец, - ответил Петрович и, узнав Палыча, поинтересовался:

- А тебя как сюда занесло? Я думал, ты в натовском тылу поезда под откос пускаешь, а ты здесь, можно сказать, в глубоком нашем тылу.

- Ну, ничего себе, тут по три раза в день вражеская авиация налёты на нас устраивает, и никакого прикрытия с воздуха, - парировал Палыч.

- Затем и прибыл, - сказал Петрович. - Будем с пехотой налаживать взаимодействие. Часто вражеская авиация беспокоит?

- Три раза в день, - доложил пехотинец. - После завтрака, обеда и ужина.

- В одно и то же время? - уточнил капитан.

- Ну, не знаю, не засекал, но как позавтракаем или пообедаем, так обязательно прилетят. А поужинаем — тут как тут. А ты как в этих местах оказался? - сменил разговор Палыч. - Ты же должен где-нибудь над Исландией небо бороздить?

- Да вот, летали над Атлантикой фотографировать американские конвои с подкреплением в Европу. На обратном пути уже ночью на последнем литре подлетаем к Чкаловску²², а на аэродроме где-то фазу пробило, и наводящая система накрылась. Пришлось падать на брюхо в какой-то огород. Естественно, самолёту конец, запасные в Севастополе. Пришлось на транспортном лететь сюда. А здесь самолёты есть, но не летают, нужны запчасти, а они где-то за Уралом. Ну сидим, ждём. А чтоб не сидели без дела, отправили с вами взаимодействие налаживать. Кто у вас командиром будет?

- Серёга Чертов.

- А кто ещё из наших есть?

- Почти все здесь.

- Придётся у вас задержаться, - сказал Петрович и пошёл к Серёге.

С пляжа под обрывом раздался крики. Из избы выскочил пограничник и с пистолетом «Макарова» наперерез кинулся к берегу. Пехотинец за компанию потрусил за ним. С крутого берега открылся прекрасный вид на залив. Был полный штиль, и только чайки лениво бороздили морские просторы.

У самого берега Саныч с Шостак стояли в воде, боясь выбраться на сушу. У остальных девушек отсутствовали купальники, и потому над водой торчали только их головы.

Вдоль берега в обе стороны торчали из песка таблички «МИНЫ». От залива подымался усталый Эдик в расстёгнутой на две половины шинели и шапкой в руках.

Не обращая внимания на окружающих его женщин, Саныч с нарушением всех цензурных правил громко выражался, обещая оторвать Эдду ногу. Не похмельный Эдд болезненно морщился и не реагировал.

Постепенно на обрыве собралось руководство БОНПОТД и неторопливо принялось обсуждать сложившуюся ситуацию.

- Как это они прошли по минному полю к воде? - удивлялся командир.

Зам по тылу подозвал больного Эдда и потребовал мины закапывать гуще, чтоб никто не прошёл. Эдд утверждал, что действовал согласно инструкции, располагая мины квадратно-гнездовым способом, и чертил на земле схемы.

Прошедший афганскую войну пограничник Любкин начал объяснять сапёру, как делать растяжки, твёрдо обещая, что тогда точно никто не пройдёт.

Старшина предложил заминировать и воду. Глубинными бомбами и рогатыми минами на якорях.

Шевченко, глядя на замерзающих женщин, предложил Эдду разминировать участок и создать проход. Эдд категорически отказался, объяснив, что взрыватель поставлен «на неизвлекаемость». Тогда Шевченко посоветовал купающимся обойти заминированное побережье по воде. Саныч, проклиная военно-инженерные части, двинулся во главе женского персонала вдоль берега на север.

12.49 по московскому времени

Пехотинец пошёл варить кофе. Потом зашел в приёмную, стрельнул без спросу из бесхозной пачки хорошую сигарету и сел на крыльце, поглядывая вдаль.

Через час на горизонте появился Саныч в окружении обгоревших на солнце женщин.

Народ потихоньку стягивался к кухне. Командиру и лётчику паек отнесли в кабинет.

Сапёр ругался на старшину, требуя поллитра спирта на срочную протирку сапёрной лопаты. Григуль отругивался, доказывая, что, если бы у него был спирт, он бы не довёл батальон до такого антивоенного состояния.

После обеда измученный и все еще не похмельный батальон прикорнул в тенёчке единственного дерева. Тишина веяла над расположением БОНПОТД.

И только теплолюбивые насекомые продолжали громко копошиться в кустах смородины.

В этот момент донёсся стрёкот турецкого самолёта. Представитель военно-морской авиации выхватил из кармана хронометр с компасом и, когда самолёт пролетел над головой, смачно нажал на одну из кнопок. Затем отметил направление полёта. На вражеский налёт никто больше не среагировал. Всё мучительно ждали вечера, поглядывая на уходящую за горизонт дорогу.

Из блиндажа вылезла Мирочка с бухгалтерскими счётами в правой руке и папкой «Дело» в левой. Осмотрев полёгший измученный войной народ, направилась к командиру.

Чертов, покуривая вонючую дукатовскую «Приму», беседовал с кадровым военным Шевченко Александром Петровичем о египетских фресках и об обратной перспективе.

Тут вошла Мирочка с квартальным отчётом. «Дебет, кредит, брутто, нетто, бюджет батальона, профицит, дефицит, счета, проводка, платёжные ведомости, лимиты, фонды, банковские выписки, акты, лицевые счета, депозиты, векселя, ссуда банковская, декларация о налогах, кредит, лимиты все выбраны, ассигнования, смета, ордер, счёт-фактура, гарантийные письма, поддельные авизо...»

Командир корректно перебил Мирочку, пообещав через минуту вернуться, и выскочил из кабинета.

Петрович остался и увлеченно стал доказывать Мирочке, что батальонный бюджет в данном случае профицитный, а, следовательно, никак не зависит от поддельных авизо. Нет ведомости и счёта-фактуры, подписанных командиром и старшиной, а раз нет расходов, то нет и доходов, так что, исходя из вышеизложенного, всю финансовую часть в полном составе можно отдать под трибунал, требуя

²² Пригород Кёнига.

немедленного расстрела перед построенным в каре батальоном на фоне сарая имени барона Врангеля.

- У нас в авиации, - добавил он, - таких катапультируют без парашюта и перевязочных пакетов.

Мирочка заявила, что катапульти без парашюта быть не может, за исключением катапульти на американских авианосцах. В Советской Армии, армии рабочих и крестьян, такие империалистические разработки не пройдут.

Пехотинец, шатаясь по двору без дела, случайно наткнулся на ящики, выгруженные проезжающими солдатами ещё в первую ночь. Осмотрев их со всех сторон, он долго не мог решить, что бы могло в них находиться? Цвет нормальный – зелёный, надпись: УТМ-ВКС Т-34/80 - непонятная. Дальше, как положено: «Сделано в СССР» и «Знак качества». Подозвал старшину и предложил вместе посмотреть, что там внутри? Старшина, держась за сердце, предложил отложить осмотр на утро. Из сарая вышел шифровальщик, сел на ящик УТМ-ВКС Т-34/80 и предложил Палычу закурить. Тот сигарету взял, но, покосившись на ящик «УТМ-ВКС Т-34/80 Сделано в СССР», сказал:

- Давай лучше посидим на ящиках с противотанковыми минами.

Пересев на мины, они закурили «Памир» и стали наслаждаться южной погодой. Неожиданно Палыч спросил:

- А по какому случаю война?

- Разное болтают, - нехотя ответил Юра.

- А из-за чего? - попытался уточнить Палыч. - Что говорят члены ЦК КПСС?

- В самом начале говорили про американских агрессоров, а потом сам знаешь: «Всё для фронта, всё для войны», «Люби Родину, мать твою». Может в политотделе известно? - с сомнением закончил Юра.

Докурив сигарету, он метнул окурочек в ящик с минами, и пошёл в сарай досыпать.

Неожиданно в штабе хлопнула дверь, и на крыльцо выскочил командир. Палыч сразу залёг среди ящиков, маскируясь лопухом. Серёга пронёсся мимо и скрылся в сарае. «Возможно, сегодня стрельб не будет», - подумал пехотинец и перебежками кинулся к ленкомнате.

Там сотрудник политотдела Шостак курила чужие папиросы и рассказывала, как Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, кавалер трёх орденов Ленина, трех орденов Боевого Красного знамени, трёх орденов Красной звезды, ордена Великой Отечественной войны, орденов Богдана Хмельницкого и двух Сухэ Батора, а также ещё десяти иностранных орденов, десяти юбилейных медалей и одной за боевые заслуги, лауреат Ленинской премии, Начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота генерал армии А. А. Епишев поставил по стойке смирно Героя Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, кавалера трёх орденов Ленина, пяти орденов Боевого Красного знамени, двух орденов Красной звезды, орденов Великой Отечественной войны, Александра Невского, Октябрьской революции,

Сухе Батора, десяти иностранных орденов и десяти медалей, лауреата Ленинской премии, Главнокомандующего Военно-Воздушными Силами, заместителя министра обороны СССР, Главного маршала авиации П. С. Кутахова. И маршал стоял бледный с трясущимися коленками и мокрыми штанами перед генералом армии.

- Не может быть, - удивлялся Старцев. - Чтобы маршал стоял по стойке смирно перед генералом армии.

Тут влез Палыч:

- А почему орден Сухэ Батора ты не считаешь иностранным? Он же монгольский.

- Как монгольский?! - взвилась Остак. - Я сама видела – там русские буквы!

- Монголы пишут кириллицей, - пояснил зануда Палыч.

Маринка вытащила беломорину из пачки Старцева, закурила и перешла на тему «Партия наш рулевой». Затем плавно переключилась на то, как у них весело в политотделе армии. Пьют они только армянский коньяк, а курят «Мальборо», доставленные из Гамбурга. Там политотдел фронта обнаружил целый склад. Они выставили свою охрану, чтобы солдатня из СА не растащила.

- Когда война началась, - не переставала она, - мы на выходные в Болгарию летали, отдыхали на золотых пляжах. Командование ВВС, чтобы не ссориться с политотделом армии, предоставляло нам транспортные самолёты и истребительное сопровождение. Хорошо было... Пока турки с греками все пляжи не захватили. А когда в пятницу долбанутые из СА Париж захватят, генерал обещал всех женщин политотдела в «Шанели» №5 искупать.

- Кстати, - перебил её пехотинец. - А сегодня какой день недели?

- Понедельник или среда. Это точно, - ответила Маринка и продолжила:

- И бункеры у нас просторнее, чем у армейских.

В ленкомнату вошёл старшина с гитарой.

- Еле гитару нашёл, - возмущённо сказал он. - В лопухах валялась, вся уделанная какими-то грязными фантиками.

«Это Эдик утром ходил блевать в лопухи», - вспомнил пехотинец.

Григуль с подозрением осмотрел окружающих.

- Кто вчера последний играл?

Шостак сразу:

- Это Палыч, он «смерть клопа» играл.

Старшина недоброкачественно посмотрел на пехотинца. Тот с трудом что-то такое припоминал. Его спасла вошедшая Михална:

- Ты же сам вырвал у Палыча гитару и выкинул её в окно.

Теперь, что-то с трудом припоминая, задумался старшина.

- Ну что, цифиря заварить? - предложил он, чтобы загладить конфликт.

Все согласились. Выглянув в окно, он позвал Эдика. Тот в шинели, перепоясанной дерматиновым ремнём, зашел в ленкомнату, посмотрел на старшину и спросил:

- Что, спирт привезли?
- Да нет, сбегай в бытовку и возьми с полки пачку чая, - приказал старшина.

Вскоре Эдик притащил упаковку грузинского чая. Все стали возникать: что, «индюшки» нет, что ли?

- Всё-таки батальон особого назначения, - пробурчал пехотинец.

- А у нас в политотделе только цейлонским чифирят, - встряла Шостак.

- Может, Палыча на кофе раскрутить, - предложил старшина.

- Не надо, - пожалел Палыча Эдик. - Если сегодня всё выпьем, у него завтра ломка начнётся.

Решили пить грузинский, хоть это вовсе и не чай.

На шум зашёл шифровальщик и стал рассказывать, как правильно заваривать грузинский чай.

- Берёшь заварник и обдаёшь его внутри кипятком, затем засыпаешь грузинский чай, не жалея, и заливаешь его на треть крутым кипятком. Затем накрываешь солдатской шапкой и даёшь настояться пять минут. После чего доливаешь кипятком и ждёшь ещё три минуты.

Все заинтересованно слушали.

- Далее, - продолжил он, - грузинский чай готов, и ты его выливаешь в унитаз.

После непродолжительно паузы он заканчивает:

- А затем берёшь чай индийский...

Пехотинец спросил у шифровальщика:

- А чего это Серёга к тебе в сараюгу рванул?

- Решил вызвать танковый батальон на подмогу, чтобы сбросить турецкий десант в море.

- Так десанта ещё нет, - удивился народ.

- Когда появится, поздно будет, - защитил командира старшина. - Танкисты нас потом ещё неделю разыскивать будут, и не факт, что найдут.

21.31 по московскому времени

Темнело. За неимением «индюшки», пили грузинский. Старшина брэнчал на гитаре. Шостак рассказывала Михалне про знакомых бардов, а та делилась с ней, как шить кепки из коттона, который остаётся от старых джинсов.

Зашёл пограничник и порекомендовал использовать светомаскировку.

Пехотинец стал возражать.

- Нас тогда турецкий самолёт не найдёт, а Петровичу что делать, как он засекать его будет?

Неожиданно во дворе раздался крик раненого командира. Все выскочили на крыльцо. Через двор, поддерживаемый замом по тылу, шёл хромящий командир. Ругаясь нечеловеческим голосом, он требовал сложить из ящиков с минами стену и у этой стены расстрелять Эдика к «бениной» матери вместе с его противотанковыми минами.

В этот момент Саныч, наблюдавший за дорогой в бинокль, радостно сообщил:

- Подходит обоз.

Забыв про командира и его ранение, все высыпали на дорогу. Но лошадь ещё полчаса тащила по пыльной дороге и прибыла в штаб, когда уже окончательно стемнело. К этому времени баландёр уже раздал закусь.

Пехотинец торжественно внёс ящик с противотанковой жидкостью в кабинет к командиру. Всё штабное руководство, представитель политотдела, пограничник, лётчик, начфин в цивильном платье и сержант-писарь уже сидели за столом. Перед ними стояла горячая закусь. Получив свою долю, пехотинец пошёл в ленкомнату.

Батальон бурно приветствовал его.

Проснувшийся Боря вспомнил:

- Помню, как-то раз был я трезвый...

Палыч, как владелец бутылки, начал с тоста:

- Жил я тогда на ул. Нарвской в резервации – так называемый «манёвренный фонд». В комнате 9 квадратных метров, с печкой, которая не грела, без радиоточки и с общей кухней на шесть семей. Имел продавленный диван, стол, стул, обтянутый красным знаменем, и кресло б/у, купленное в комиссионке за 15 рублей. Имелся, правда, доставшийся от предыдущих жильцов неработающий холодильник, где я хранил краски. Под потолком на вбитых в стену напильниках лежала доска, вместо полки под книги. В дверь было вбито несколько гвоздей, на которые вешалась верхняя одежда. Как-то вечером, постучав в дверь, на мою жилплощадь зашёл сосед Эдик. Увидев, что я не один, долго извинялся, после чего присел к столу. Взял в руки стакан портвейна, извинился и хватанул наболевшее:

- Ну, допустим, ты живёшь хорошо, - осмотрев комнату, сказал он. - Другие ещё лучше, а третьи – плохо. Даже никто толком и не знает, почему они живут плохо. Квартиры у них нет, мебели тоже, и денег не водится, и не пьют вроде. Одни считают, что сами виноваты, другие, что не повезло человеку в жизни. А мне кажется, если бы он жил нормально, то тогда тот, который сейчас живёт хорошо, жил бы хуже, ему бы меньше досталось. Так что, граждане, выпьем же за то, чтоб больше было тех, кто живёт плохо, нам же от этого будет лучше.

Палыч хватанул свой стакан. Все молча поддерживали.

В дверь постучали, и в ленкомнату вошла начфин. Младший состав батальона внимательно и недоверчиво изучал её трезвое состояние.

- Мирочка, ты что, в завязке? - спросил шифровальщик.

- Ой, Юрик, я противотанковую жидкость не пью, на бутылке такая не эстетическая этикетка, - оправдывалась Мира.

Эдик мрачно посмотрел на этикетку:

- Вся наша жизнь – жонглирование. Сегодня мы жонглируем кольцами, завтра булавами. Сегодня одной рукой, завтра двумя и тремя предметами, и самое страшное – выпустить мяч из рук.

- Глубоко копает, - произнёс Боря и потянулся за стаканом.

Все выпили.

Боря начал утверждать, что как-то раз и он был трезвым...

Окончание в следующем номере

Нийоле КЯПЯНЕНЕ

По смерти каждому

1

В пелёнках оставила я тоску по иному миру.
Оставляла там немного мокрого тепла и
Безнадёжности. Другую безнадёжность – сладкую –
Глотала с материнским молоком и воздухом,
Пока научилась жить прирученной.
Лишь её – мою смерть – приручать никто
Не хотел, не гутукал, не прищёлкивал весело
Языком и стихов ей не читал,
Гнал прочь, словно та была в чём-то виновата,
Но она – моя смерть – высасывала полгруды
И откусывала полконфеты.

2

Несмелой росла она, полная комплексов,
Эта моя смерть, все смерти в детстве
Так устают, ведь даже взрослые их унижают.
Свято уверовав в бессмертие своих младенчиков,
Словно те были бы богами, родились не от земной
Любви мужчины и женщины, а из морской пены.
Или по-иному непорочно зачаты. Моя смерть
Была любопытной и училась вприпрыжку.
Так протирали в школе скамью, что
Светились обе: и скамья, и сидящая.
Решала уравнения с закрытыми глазами и
Украла первый поцелуй. И всё ж, говорю,
Несмелой она была. Однажды, когда я дырявую
Лодку соседа притащила и
Столкнула в воду, трусиха осталась на берегу,
Прыгая с ноги на ногу,
И плакала, и охала, молитвы ещё
Бормотала с проклятиями,
Потом, убежав, притащила соседа
За задницу. И толкнула в реку.
Тот позже рассказывал моей матери,
Что внезапно услышал некий зов
Или приказ.
- Глас Божий мне прямо в ухо... –
Удивлялся, наивный, действительно не понимая,
Что это всего лишь моя сестра-близнец – моя смерть –
Его в реку толкнула.

3

Однажды, несколько повзрослев, бегу я из школы.
Юбочка так коротка, что солнце
Горячими ладонями ласкает там, где потайное место,
В глазах солнечные пылинки, на плечах –
Солнечные зайчики...

И смерть моя следом:
Вся сгорбленная, очки – от чрезмерного
Чтения испортила подруга глаза –
Губы, не очки висят у неё прямо на кончике
Носа, а уж юбка – без какой-либо формы и порыва –
Мешком. Бубнит да бубнит смерть, зачем так спешу,
Зачем лечу по жизни словно безумная,
Будто от неё, своей сестры-близнеца,
Убежать желаю. Ну, бежим мы, а
На камне некий полувековой мужчина
Сидит и машет мне рукой, зовёт. Подхожу.
Помоги встать, говорит он мне.
Хочу стоя...
Что он хотел делать стоя,
Всё же не сказал. И протянула я ему руку.
Поднимаю. А смерть моя за спиной
Охает, не помогает. Поднялся дедуся.
Некрепкий такой. Спасибо, говорит,
А зубной мостик лишь бум на землю.
Тогда я увидела его смерть.
Стояла сбоку от дедуси.
Неописуемая элегантность – белый цилиндр
И серебрянный смокинг, и часовая цепочка.
Вытащила часы из кармашка –
Больше, нежели гусиное яйцо –
Открыла их длинным, полированным
Ногтем мизинца,
Тем же ногтем цифры
На циферблате взболтала, словно
Гоголь-моголь с сахаром.
Запрокинула и выпила.
И помер человек. Спасибо – ещё успел поблагодарить. –
Стоя, следовательно, хотел.

4

сладко свечкиверху полыхали
над твоей-не твоей головой
и несли по земле стародавний
припев песни обрезанной
где лишь несколько добрых словечек
о жизни здесь без причин
выгаданной на чайной гуще
с любовью выпитой в ночи

5

В летальные отроческие годы
Моя смерть из упорной учёной
Крысы обратилась гурманом.
Всё толкала и толкала меня
В чужие объятия
И крала поцелуи.
Каких только не нализалась:
Горячих и мокрых,
И по-детски дрожащих,
Горьких (словно в последний раз, словно при смерти)
И сладких до отвращения,
Затем, закрыв глаза, мечтала,
Что с другой смертью сливается
Для жизни вечной.

Он каждым утром выводил погулять собаку.
 Мы – я и моя смерть – чуть взглянув на него,
 Превращались в липкую лужицу
 (сказала уже, что в то время мы обе
 злоупотребляли сладостями).
 Лицо ещё ребёнка, пружинящая походка,
 Шельмовски задорный нос нас обоих сводил с ума
 (меня и мою гетерозиготную смерть).
 Так и выли обе ночами на луну,
 Завывали обнявшись.
 Неким ранним утром, проснувшись
 От шелестящей нереальности под сердцем,
 Её, сестры своей, я не нашла.
 Лишь тень её, вместе с полотенцем
 Сохнувшая на бельевой верёвке,
 Перед восходом себе развевалась.
 Пыль её стёрла с фарфоровых
 Слоников, выстроенных на крышке пианино,
 Слоников, фарфоровыми хоботами
 Трубивших тишину и счастье.
 Я ждала, сварив кофе, не зная,
 Что делать без неё, смерти,
 Щиплющей пальчиками захватанное подсердье.
 Потом пошла в школу.
 И там её не было.
 Смерти всех друзей, сладко погрызывая авторучки,
 Писали диктант.
 Только не моя.
 На переменке пила молоко за здоровье
 Своей смерти. Тогда и услышала.
 Мой задорноносый мальчик
 Собачий поводок себе на шею набросив
 И высоко на балке...
 Высоко на балке...
 На балке она – моя смерть –
 Покачивая детскими ногами,
 Проливая слёзы. Не отходила от него,
 Холодные уста целовала. Оставила меня,
 Сестру свою. Развратница-соблазнительница покинула.
 Год жила без своей смерти,
 Хоть еженощно её призывала.
 Между тем моя смерть-сиротка
 Желает вырасти на могиле любимого.
 Вернулась через год, вся иссохшая,
 На смерть совсем не похожая, как цветущий луг
 На стог сена похож. Но вернулась.
 Я подарила ей тень. Шёлковую.
 Обметанную серебряными нитями.

Меня охватывает гнев, когда я веду машину, а она – моя смерть
 – сидит рядом и полирует ногти.
 Меня охватывает злоба, когда я варю суп, а она – моя смерть – ждёт,
 приготовив на столе миску.
 Меня охватывает заикание, когда в кабинете гинеколога своими
 холодными пальцами она щупает металлические инструменты
 попыток.

Меня охватывает отчаяние, когда она начинает ласкать головки моих детей.

Меня охватывает... Меня охватывает... Неизвестно, кто обнимает как старая липа в парке и держит, скрестив руки за спиной.

А она – истинная безноса – разинув пасть до самых коренных зубов, до самых вытекших глазниц черепа, радуется жизни.

8

Отпустила я смерть на каникулы и принялась за работу.

Напекла блинов как солнц.

Сварила щюпинис.

Из всех в нашем краю выращиваемых круп.

Со свиным хвостиком, криво указывающим на жизнь, сварила щюпинис.

Присела и жду.

Праздника.

А он – мой праздник – всё не приходит.

Ведь смерть, что должна была обрубить будни и принести праздник, получила каникулы.

9

К сияющему солнцу плывёт корабль спокойный

волны тихонько омывают борта

вчерашний день подметает дом

завтрашний день лезет на башню

шпили башни, известно, в небо

завтрашнего дня – этой красавицы – никто не видел

ступени башни – раскрытый рот

щюпинис щюпинисом кормит её бедный сегодняшний день

под губами – козлиная борода

меж зубов – задорный свиной хвостик

10

Однажды маленькая девочка

В цветастом цыганском платке и с

Корзинкой для постных блинов

Пошла в люди.

Так пела, что все двери

Звения замками открывались.

Люди живут везде –

В сладкопахнувших своих норках,

Люди живут и улыбаются

Ей вслед. Блинами, и конфетами,

И монетками наполнили корзинку доверху.

А одна госпожа, сунув ей в длань

Плеть, приказала высечь.

Смеётся девочка. Коли человек просит,

Ей нетрудно. Смеётся.

Та госпожа уже подставила спину.

Как повернулась – глаза потеряла,

Уста и нос. Переодевшись,

Глядящая на человека глазами души.

Перевод с литовского CLANDESTINUS

Александр ЖАЛИС

Ах, как пуст

ах, как мир этот пуст без тебя, одинок,
как то поле, что в наших краях зеленело спокойно –
сколько раз ещё солнце, взойдя, снова сядет у ног –
не увижу я больше тебя под окнами гордо стоящего
дикого клёна;

о, зачем наши судьбы давно разминулись нелепо –
для чего разорили гнездо жаворонка, где птица
счастливая пела –
поле голое, крест покосившийся – вот всё наследство,
что нести без тебя в одиночестве должен
и вопить онемело...

Только Анхен

Только Анхен из Таравы
ещё выносливостью лишь сияет,
быть совершенством верности пристало –

вытянув руку с нежным цветом
меня приветствует с рассветом –
кой взгляд из доброго металла!

Склоняюсь перед ней, благодарю в молитве,
что есть она и вместе с нею я –
иду мимо тебя и вот – мгновенье застывало

я к камню прикоснусь молчащему –
но сердце слышу я её стучащее
и поцелую нежно в губы алы.

В мире нет

красивых в мире больше нет пейзажей –
вокруг лишь простота земных оков,
но в томных снах зелёные миражи
ещё сияют дивно и легко

и кажут нам – на ярмарке суетной
всё ж нечто существует, для чего
жить стоит даже в глубочайшей бездне
среди мыслей правды, горестей и зол;

среди мыслей о любви и долгой жизни –
хоть кто бы это смог понять –
преодолев боязливое сердце
помог душе на волю вскоре убежать

Счастливая любовь

Счастлива любовь, когда она несчастна,
как совершенной можем мы её назвать –
неважно ей совсем, иль солнце щурится,
                                иль метёт метелица,
она осветит и божественно согреет
                                весь мир и самое себя.

Счастлива любовь, когда она несчастна,
когда всё против, будто на какой-нибудь войне –
конечно, более всего толпа –
                                довольная собой, лени подвластна,
любовь пограла своим словом и силою вдвойне.

Счастлива любовь, когда она несчастна –
её никто не понял и не оправдал,
но осудили, провожая с удивлением негласным,
да с ожиданием, что её кто запретит.

Счастлива любовь, когда она несчастна,
как побеждает нас, как варвары Рим гордый –
она не спросит нас – нужна ль нам иль напрасна –
жестоко одарит и бросит в одиночестве надолго.

Счастлива любовь, когда она несчастна –
когда её мы можем совершенною назвать –
борясь со всем, что мудро, зная часто,
что лишь сама она безумице подстать.

В воде отражается

В воде отражается причал, деревья, фонари,
на землю вечера краса зелёный цвет послала –
я размышлял как Донелайтис –
                                мы буры, горемыки-мужики,
однако нечто совсем другое мне душа теперь сказала –
она сказала: эта красота – Дане, деревьев, маяков
наповторима – пусть Клайпеду лишь такой
                                Бог покажет
нам самим и потомков нашим
                                несчитанному числу,
которые может быть уже не спутают
                                меча с крестом –
я не знаю, что сделают другие,
                                свои или чужие,
но мои мысли сегодня
                                светлы, ясны –
буду жить силой Грюнвальда
                                и надеждой духа Кёнигсберга –
пусть как в Балтии будут волны свободы
                                не кровавыми, а белыми, чистыми...
как сквозь туман проявляется в Дане
                                краса деревьев, маяков и воды –
словно кристально-зелёный
                                и полный чудес
  дворец.

Алоизас КАЖДАЙЛИС

ОСНОВЫ БОМЖЕЛОГИИ

(Отрывок из романа «Базарная площадь»)

Я долго размышлял, как должен был называть этих несчастных. Несколько раз перетряхнул в памяти пьяницам вешаемые метафоры и эпитеты, пытался приспособить под них медицинские термины, но все эти слова – по-народному хлёсткие или по-научному скучные – означали одно и то же: выпивающего (в лучшем случае), пропившегося человека. Говорю «в лучшем случае», имея в смысле не пьяниц, поскольку все они – «самый плохой случай», – а свои лингвистические занятия, когда мучился, разыскивая полновесное и хлёсткое название для обозначения степени обесчеловечивания нашим близким, друзьям и знакомым, так как дух человеческий или земное выражение небесной души – как я понимаю божественный дуализм человека – не исчезает за час или день; ежедневно вокруг себя наблюдаем вовсю трудящуюся инфекцию алкоголизма и посеянные ею болезни – такие же замедленные, как и мой диабет, – с явными стадиями заболевания, носителям которых я и хотел дать название.

Может быть, до сих пор ещё ломал бы свою голову, если бы на помощь мне не пришёл русский язык. В один прекрасный день услышал на улице слово «бомж» – и моя головоломка разрешилась.

Это случилось не так давно, поэтому хорошо помню. Был воскресный вечер, по-осеннему спокойный и тёплый. Я тащил свои непослушные ноги по центральной улице города, по самой обочине дороги, избегая любопытных взглядов прохожих, особенно детей. Шёл по улице, глядя на копающегося в мусорном контейнере нищего, когда кто-то за моей спиной сказал: «бомж». Произнёс это словечко вполголоса, без злобы или осуждения, спокойно и сдержанно, будто сам с собой разговаривая; но словечко это – странно, я будто видел его глазами как некий предмет, – шаровой молнией пролетело через улицу и опустилось на нищего у контейнера. Жёлтая окружность с четырьмя чёрными буквами.

«Бомж?... бомж... бомж!», – пронеслось по центральной улице города. Толпа размеренно, словно на футболе, скандировала это слово, а я в голосе толпы услышал облегчение и радость находки, поскольку этим коротким словечком достойные горожане отмежевались от человечка у контейнера, вытолкнули его из своей общины на социальную обочину: он – это не мы, мы – это не он, мы – люди, а он – бомж!

Как здорово, что существуют всезнайки! Пря-

мо здесь – на улице – я и узнал, что значит это слово и как оно появилось. Звучный женский голос объявил всем окружающим, что это – сокращение, недавно появившееся в криминальных сводках Санкт-Петербургской милиции, в графе местопроживания преступника.

В тот запомнившийся мне вечер, таща непослушные ноги домой, я восхищался деликатностью милиции Санкт-Петербурга. Ведь могли написать коротко и ясно: бездомный. Москвич действительно написал бы: *бродяга**. А вот ответственные работники аристократической российской столицы не поленились поразмыслить и создали профессионально точный и неоскорбительный термин: без постоянного, вернее, *без определённого места жительства*.

Так замечательный неизвестный ответственный работник продемонстрировал миру, что в Санкт-Петербурге признаётся свобода выбора. Может, человеку надоело в пригородской хрущовке из силикатных кирпичей, где в печальной серости носятся пыльные бури, где головой подпирается потолок и живётся по модели светлого коммунистического будущего, которую острые на язык петербуржцы – не ленинградцы, а именно петербуржцы – лаконично определили: *сидя спать – стоя спать?* Может, ему повезло вырваться из проклятия Никиты Хрущёва: «Это поколение народа будет жить в условиях коммунизма»?

Представляю себе – провёл такой осуждённый на коммунизм человек одну белую ночь свободы в старом Петербурге, в компании братьев по духу с алюминиевой кружкой в руке, слушая, как журчит наливаемая в кружку водка и льётся свободный разговор, не имеющий ничего общего с насаждаемым коммунизмом моральным кодексом, провёл вторую ночь – и навсегда променял серые зори коммунизма на белые ночи свободы. А когда холодный ветер подул с Финского залива, неофит свободного духовного братства последовал за старожилками в невидимый город под площадями, дворцами и под рекой Невой, где в пространственных тоннелях не действуют законы движения и всякие запреты-разрешения власти, где о прошедших сутках судят по гудению поездов метро, а о смене времён года – по направлениям сквозняка.

Перевод с литовского CLANDESTINUS

Выделенные слова в оригинале написаны по-русски (прим. перев.)

Наталья ГОРБАЧЕВА

Сны Натальи Николаевны

Сон первый. Сашка

В сон врывается рёв кофемолки.
Разбивается сон на осколки.
Варит кофе мужской элемент.
Я же сна изучаю фрагмент.
Ба, одна из любимейших версий:
Сашка мчит на сиреновом «мерсе».

Белоснежна и агрессивна,
Как улыбка у Сашки красива!
Целомудренно, просто по-братски
Сашка мне улыбается адски.
Без рефлексий и политеса
Истребить он мечтает Дантеса.
Задавить, и покончено разом.
Чтобы не были Жорке соблазном
Ни Наташкины плечи босые,
Ни Наташкины очи косые.
Но, в барсетке карденовской роясь,
Сашка мыслит: «Гаишник - как совесть.
И не зря он торчит тут железно,
Чёрно-белым махаячи жезлом.
Геккерёнку я вызов пошлю!
Ах, Наташка! Любимая шлю...
Впрочем, что я? Какого рожна?
Закрутилась, малышка... Жана!»

Афро-Сашка, бретёр, литератор,
Солнце! Давит акселератор,
С автобана летит в небеса.
Я спросонья тарашу глаза,
Или может быть, очи косые.
И, укутавши плечи босые
Полотенцем, а то ли рубашечкой,
Солнцу плачу: «Ах, Сашечка, Сашечка...»

Bella Анна

«Волнуясь, он переходил на итальянский»...

Ангел нежных очертаний,
Хохотунья. Невозможно.

- Mia cara, bella Аня,
- Три ступеньки, осторожно.

- Как глазам моим угоден
Хаос вашего приюта.
Вы сегодня добрый, Мода?
- Как прикажете, Аньюта.
- Наших с вами репутаций
Ни за что сберечь не сможем.
От каштанов и акаций

Воздух сладок и тревожен.
Ах, как сделано отлично.
Впрочем, что же тут дивиться?
Но зачем же так трагична
Эта длинная девица?
Я в печали, Амедео,
Нипочём не вижу проку.
- Но судьба - иное дело...
- Приготовиться к уроку?
Вам в авгуры не пристало.
Эти розы нужно в ванну.
- Я - не знаю. Я - устала.
Я люблю вас!..
- Mia Анна!

Инстинкт самосохранения

Стану, в небо закинув глаза,
Сериал смотреть про жизнь облаков,
Птах сквозливых различать голоса,
И не думать о тебе - кто таков.

А потом я Блоком стану хрустеть.
Или - яблоком. Дам рыбки коту.
Не заставишь ни сегодня, ни впредь
Опечалиться и впасть в маяту.

Что той жизни? Пятачок на руке.
Разменяю - так останется фиг.
О сгоревших на страстном костерке
Буду знать лишь из потрёпанных книг.

А самой мне недосуг сочинять,
Не Овидий, так и нечего тут.
... Как ты смеешь мне любовь причинять?
Всё, меня на этот раз не спасут...

Вода и камень

1. Брусчатка

Мы шли по спинам мокрых черепах.
Верней - неслись.
Пульсировала в глупых черепах
Шальная мысль

О счастье, что таилось за углом
Среди зимы.
Словечка непристойного «Облом»
Не знали мы.

Был мир вокруг прекрасен и смешон,
Совсем не лжив.
А ты, ещё прекраснее, чем он,
Был жив.

С пустых ветвей орал носатый птах,
Суливший ад.
Мы шли по спинам мокрых черепах –
Сто лет назад.

---

2. Море

Изумрудная цикада на твоей ладони пела.
Пучеглазые стрекозы зависали, не спеша.
Мы, внимавшие диктату (голос страсти, голос тела),
Наблюдали, как от счастья испаряется душа...

Нам глазницы заливала закипающая влага,
И дыхание забывало о насущности своей.
Всё сияет и сияет эта сдвоенная наго...
Та, которой было сроку - горсточка ночей и дней.

Бег золотистой саламандры

Все приблизительны слова. А солнце заблудилось в ветках.
Мгновенья тишины так редки, что различаемы едва.
Куда-то ящерка спешит, рептилий грозных представитель.
И человек, не лыком шит, венец природы и - мучитель.
Им зафиксировано враз, как суть молитвы или мантры:
«Для пристальных отраден глаз бег золотистой саламандры,
и - распустившийся цветок, и - неба синяя пустыня».
Как жаль, что слишком краток срок, и сердце, утоляясь, стынет.
И можно, мимо проходя, не потрястись, не изумиться:
алмазы - в образе дождя, душа - под псевдонимом птицы,
а это - глупая любовь, бездомней бедуина, право.
А это - смертная отравка (иначе - жизнь) попала в кровь...

Борис БАРТФЕЛЬД

Пограничный Тильзит

Старый город, все еще несущий
Сквозь времена и пространства
На опущенных плечах своих заплеванных улиц
Тень славы и богатства
Великих монархов¹ и их царственных спутниц,
Лишенных потомками права
Городского гражданства.

Потомками, отвергавшими
Историю Тильзитского мира
И никогда не знавшими вкуса
Знаменитого местного сыра,²
Считавшими верхом блаженства
Подвяленного рыба
С бокалом кислого пива
Розлива Советского пивзавода,
Оставшегося в наследство
От пивоварен Тильзита.

Последний город в стране
С этим искусственным именем,
Где уж двадцать лет как Советы
Канули в лету времени.
А мы все еще живем
С этим тягостным бременем
И порой горожанам юным кажется,
Что город назван в честь поддельного шампанского
Или какого-то забытого номенклатурного мастера
Советской реалистической прозы или поэзии
В прошлом веке мирно почившего в бозе безвременья.

И что это вовсе не хроническая болезнь власти,
Проявившаяся в обширном государственном склерозе,³
Или в глубоком циррозе
Печени, не справившейся с политическим запоем.

Граница возникает вдруг среди улицы⁴
Из ниоткуда,
Отрезая город как хлебный ломоть
От Европейского ржаного союза⁵

¹ г. Тильзит (г. Советск) – замок в месте впадения реки Тильже в Неман (р. Мемель) заложен в 1365 г. Поселение получило юридические права города в 1552 г. из рук герцога Пруссии Альбрехта. Экономический и культурный центр на севере Восточной Пруссии. Город стал известен на весь мир после того, как в июне-июле 1807 г. здесь состоялись важнейшие переговоры Александра I и Наполеона Бонапарта с участием прусской королевской четы – Фридриха Вильгельма III и Луизы по новому устройству Европейского мира.

² Торговая марка «Тильзитский сыр» была одной из самых известных в мире в 19 веке и первой половине 20 века. С 1845 г. в Тильзите начал работать маслосырзавод, выпускавший сыр в промышленных масштабах.

³ Создается впечатление, что российские власти забыли о подобных устаревших и явно временных названиях городов и улиц.

⁴ Граница и пограничный переход в Советске проходит по центральной части города. Автобусы ожидают очереди на заезд в пограничную зону на городской площади.

И реки с говорящим названием Неман,
Текущий из все еще глухонемой Белоруссии.

Автобус носом таранит
Пограничный шлагбаум,
Багажник оставив на площади города
У торговой палатки

Пограничники, где вы?
Не видите, там, сидя на лавке,
Очередь в туалет длиннее,⁶
Чем в Ваш магазин свободной приграничной торговли,
Где торг идет не бойчее,
Чем в старом тильзитском гешефте,
Где был сожжен старик Розенбаум.

Мост свободен, Луиза⁷ открыла проезд
Из романтического девятнадцатого века
В двадцать первый циничный век,
Минуя двадцатое покалеченное столетие.
И мы мчимся на север
На красный запретный свет,
Нарушая все законы физической географии⁸
Из дикой русской, но уже умывающейся Азии
В Западную Европу,
Не отмывшуюся и за сто лет.

Лошади и философия Канта

В Прекуле¹ сочные травы растут на лугах,
Кони щиплют траву, о морали людей рассуждая.
Конюх сбрую готовит и, седло на коня водружая,
Хвалит Рихарда Канта за упряжь и крепкий табак.

Он живет по соседству, по выходным молится в кирхе,
О жизни беседует с пробстом, на реке ловит рыбу, с сыном своим
Читает псалтырь по-литовски, чинит вожжи, подпруги и постромки
И крестьянские седла украшает шитьем дорогим.

Сын растет и старается изо дня в день
В мастерской у отца, ремесло мудреца постигая,
Ведь для лошади важно, чтобы упряжь ее ездовая
Ей не терла нигде, и возить не мешала детей
И в возке, и в телеге, и в бричке, где сильнее качает
Мальчугана, чем мать ... в колыбели, висящей в литовской избе.

Скоро станет он мастером, и в искусстве тачать хомута
Превзойдет и отца, и всех шорников прусского края.
Мастерскую откроет он в Мемеле,² где распевая,

---

⁵ С 1 июня 2007 новые условия для пересечения границы значительно усложнились, а с 1 января 2008 для выезда за пределы области потребуется шенгенская виза. Границы отрезают территорию Калининградской области от Европы и России.

⁶ На весь пограничный переход имеется всего один маленький туалет, куда выстраивается огромная очередь.

⁷ Через реку Неман в 1907 был построен большой красивый мост, названный в честь прусской королевы Луизы.

⁸ Географический парадокс состоит не только в том, что чтобы попасть в Литву, входящую в состав ЕЭС, мы едем на север или восток, но и в том, что Калининград находится западнее таких европейских столиц, как Вильнюс, Рига, Хельсинки, Таллинн, Варшава.

¹ Предки И. Канта жили недалеко от Клайпеды (Мемеля) у города Прекуле. Прадед Канта Рихард говорил по-литовски, немецкого языка не знал. Одно время он арендовал трактир в Русне, затем женился на дочери хозяина трактира в Хайдекруге (Прекуле) Начиная с деда, мужчины из рода Кантов были профессиональными шорниками, занимались изготовлением упряжи для лошадей.

² Дед философа Ганс Кант (сын Рихарда) стал гражданином Мемеля и хозяином шорной мастерской, здесь же

На телегах тяжелых извозчики грузы везут на суда
И обратно, не забывая, что для лошади очень нужна
И любовь, и забота, и ласка, и удобная сбруя от мастера Канта.

Жизнь идет... как издревле... заведено
И в семье уродится у шорника шорник, конечно.
Мальчик Иоганн Георг будет очень прилежно
Изучать у отца ремесло и немного письмо, ведь не вредно,
Чтобы шорник умел прочесть из псалтыря то место,
Где Господь наставляет людей, что такое добро.

Мальчик вырастит вскоре и, возмужав,
Переедет из Мемеля в город столичный,
Где так много дает дополнительных прав
Членство в цехе ремесленном, домик приличный
На Форштадте³ вблизи от реки отыскав,
Он готов уж жениться на Анне-Регине,⁴
Дочку шорника замуж позвав.

Молодая семья обустроилась в домике теплом,
Иоганн Георг в мастерской возле порта работал,
А жена занималась детьми и вела
Все дела по хозяйству и в доме,
И молилась усердно в Домском соборе.

А в апреле у Кантов рождается сын.
Он здоровьем не крепок. Сумеет ли выжить?
Но святой покровитель Иммануил
Перед Господом Богом за тезку просил... - и он выжил.

Спозаранку в Кенигсбергском порту суета,
Разгружают и... грузят суда.
И колеса телег о брусчатку
Так стучат, что спать больше нельзя.
В пять часов на ногах вся семья,
Что способствует навсегда
Установленному распорядку.⁵

Мальчик был просветлен и в учебе старателен очень,
Любопытен весьма и почтителен к предкам своим.
Он следил, как отец подгоняет упряжь под лошадь,
Но профессию выбрал иную, науке себя посвятив.

Философская практика – очень похожа по сути
На работу в конюшне среди лошадей
Или шорника труд... Но философам все же значительно проще
Изучать поведение и моральный закон у людей,
Чем понять устремленья прекрасных, но все же коней.

И кому, как не сыну шорника Канта,
Стать великим философом повелела судьба.

произошло его онемечивание. Он умер в Мемеле в 1715 году уже как зажиточный бюргер. Мастерскую в Мемеле унаследовал старший сын Ганса. Младший сын Иоганн Георг уехал в Кенигсберг, где продолжал заниматься шорным делом и в возрасте 33-х лет женился на восемнадцатилетней дочери шорника Анне-Регине Ройтер. Свадьба состоялась 13 ноября 1715 года.

³ И. Кант родился в день святого Иммануила 22 апреля 1724 в доме, расположенном в форштадте в пригороде на южном берегу Преголи. В том же году произошло объединение трех средневековых городов – Альтштадт, Лебенихт и Кнайпхоф. Дом был расположен вблизи от ул. Портовой. Когда Кант стал знаменитым философом, его избрали почетным председателем Кенигсбергского цеха шорников, чем он очень гордился.

⁴ Мать И. Канта – Анна-Регина Ройтер из семьи шорника, приехавшего в Кенигсберг из Нюрнберга. Она сыграла определяющую роль в судьбе сына. Вся атмосфера семьи была пропитана «пиетизмом», который исповедовали родители.

⁵ И. Кант всегда жестко следовал установленному режиму. Вставал в 5 часов утра и начинал работать, ложился спать в 9 вечера. Ежедневно совершал пешие прогулки, о которых знал весь Кенигсберг.

Ведь тому, кто сумел разобраться в повадках
Лошадей... тому понятней душа
Человека, природы и мироздания.

Лошади прусские⁶ сено жуют и траву,
Бегают в поле, круги в поводу нарезают,
А по ночам стоя в стойле своем, размышляют,
Как табун лошадей занесло на висящую в небе луну⁷
И о шорнике Канте, вздыхая, тепло вспоминают.

---

⁶ Когда говорят о прусских лошадях, чаще всего имеют в виду лошадей «тракененской» породы. В 1725 году на востоке Пруссии в имении Тракенен (Ясная поляна, Нестеровский район) указом короля Фридриха Вильгельма I был создан государственный конезавод, на котором была проведена огромная селекционная работа. Выведенная «тракененская» порода лошадей имела прекрасные рабочие, физиологические и экстерьерные качества. Лошади этой породы составляли основы прусской кавалерии и широко использовались в хозяйственной жизни королевства, особенно в Восточной Пруссии. К окончанию второй мировой войны на конезаводе оставался табун численностью 800 чистокровных лошадей. В конце зимы 1945 года табун пытались перегнать на запад из зоны боевых действий. Однако в Гумбинене (г. Гусев) табун попал в гущу наступающих войск и его перегнали обратно в Тракенен. После войны 600 голов элитных лошадей вывезли на конезаводы Ростовской области. Но часть лошадей осталась здесь, и их потомки по-прежнему живут на этой земле. Кроме Тракенена, крупными центрами разведения лошадей были конезавод в Георгиенбурге (возле г. Черняховска) и в п. Видерн (п. Суворовка Озерского района).

⁷ Среди научного наследия И. Канта есть несколько работ по астрофизике, космогонии, в том числе и о Луне: «О вулканах на Луне» (1785); «Нечто о влиянии Луны на погоду» (1797).

Паулюс ДРЕВИНИС

УШЛИ, ЧТОБЫ
ВЕРНУТЬСЯ

Наш Паулюс

Много ли и что значат восемнадцать лет?

Ровно столько прошло со смерти нашего клайпедского поэта Паулюса Древиниса (умер 22 ноября 1990 г.)

Паулюса смело можно называть НАШИМ, поскольку в Клайпедо поэт прожил целых 27 лет. Учительствуя в Клайпедо, издал все свои поэтические книги.

Первый сборник его стихотворений появился в 1966 г.; затем, спустя каждые несколько лет, нас посещала всё новая его книга.

Именно здесь, в Клайпедо, он стал членом Союза писателей Литвы.

Знаем, что Паулюс Древинис родился 13 октября 1919 г. в деревне Гульбинай (Биржайский район). В Энциклопедии литовской литературы (Вильнюс, 2001) упомянуты все изданные им книги, дана оценка его творчеству.

Но вернёмся назад: кто не знает его звучного, неповторимого стихотворения «Юной девочке»? Молодёжь и теперь охотно поёт и не может забыть песни, написанной на стихотворение Паулюса

«Горный пастушок» и много других песен разных композиторов.

Творчество Паулюса и теперь по различным поводам публикуется в периодике, антологиях; его стихи используют множество составителей книг той или иной тематики.

Его творчество можно найти на Интернет-страницах.

Надеялся ли на всё это сам поэт?

А всё определяющее, всемогущее время не позволяет забыть его творчества...

Не забываем и мы, писатели Клайпедского края, дорогого Паулюса; его поэтическое дыхание чувствуется постоянно.

Его книги возвращают нас в глубину его творчества и души. В тяжёлые годы ссылки и возрождающихся надежд. Его творчество постоянно напоминает нам тропки его отечества, тропинки Родины...

Вспомним же сегодня ещё раз его творчество, его глубокий и сердечный сопровождающий нас взгляд...

Альфонсас-Йонас НАВИЦКАС
Перевод с литовского CLANDESTINUS

Родина

Моя Отчизна велика –
От Клайпеды и до Байкала...
Где даль морская широка,
Где средь долин течёт река,
Всё в звёздном свете засверкало.

В дымящих трубах города
И пламя куполов под небом...
Летят, грохочут поезда,
Асфальт дорог зовёт туда,
Где до сих пор ещё я не был.

Одним дыханьем со страной
Живу я, день встречая новый,
Людские судьбы предо мной
Встают расцветшею весной,
Зелёной веточкой дубовой.

На крыльях птицы поднялись,
Под нами – тундра, лес и горы,
Где даль и близь, где ширь и высь,
Куда с высот не устремись, –
Повсюду Родины просторы.

Осень

Пожелтели яблонь ветки,
Стала красною калина.
Осень бродит с тонкой сеткой
Серебристой паутины.

В сеть, прозрачную, как лучик
Солнца, вплавленного в просинь,
На бегу жучков ползучих
Ловит в пышных травах осень.

Пчёлки мечутся в тревоге,
Мотыльки сложили крылья,
Забелели у дороги
Клевера морозной пылью...

Но ещё цветут ромашки,
К борозде прижавшись длинной,
И в древесной дремлют чаще
Заплутавшие осины.

Гуси-лебеди белеют,
Словно точки, в небе тая...
А в садах плодами зреет
Осень щедро золотая.

* * *

Степи видятся мне по ночам,
И байкальские воды, и горы,
Солнце, кажется, прячется там
В золотой перелив кругозора.

Снится мне, как поют поезда,
И мерцанье Саян голубое,
Птицей, вылетевшей из гнезда,
На земле не ищу я покоя.

Приютили, как сына, меня
Забайкалье, Сибирь, Приамурье...
Я живу, в своём сердце храня
Эти горы, и реки, и бури...

Избушка у моря

Гонит вихрь морской песок,
Вкруг избушки вея,
В той избушке ждёт корабль
В светлых грёзах фея.

Стол дубовый. Жбан с вином,
Кубка два хрустальных.
Кто их выпьет, - отгадай! –
После странствий дальних?

Фея вяжет сеть и в даль
Смотрит, в чудо веря:
Кто сквозь шторм сюда придёт,
Тем открыты двери.

Мимо корабли плывут,
В стуже леденя,
Мимо той избушки, где
Ждёт давно их фея.

Поцелуй матери

Она пришла ко мне в склонившихся берёзах,
С кувшином глиняным, пропахшим вешним соком,
Она пришла с лесами голубыми
И с маленькими пташками лесными,
Доверчиво прильнувшими, как к веткам,
К её надёжным ласковым плечам.
Она пришла и, думая, что сплю я,
Мой лоб поцеловала, наклонившись.
Я чувствую, как на мою подушку
Упала мамы светлорусая коса,
Я вижу, как в избушке тёмной, старой
Всё, что в ней было: стены, окна, утварь, -
Вдруг загорелось светом неземным...

Перевод с литовского Л. ШЕРЕШЕВСКОГО

Надежда

Солнце-матушка пусть глянет
Как добра земля усталая –
Что подсолнухи увяли,
Жаворонков что не стало.

Буря мятое перо
Крохотной синички носит
Только пчёлка всё ещё
По опушкам медоносит

Собирает, собирает,
Где попало, мёда капли.
Затеplit ли зябкий лучик
Мою тряскую ладонь?

Перевод с литовского Э. ВЕЦКУСА

Владимир КОРНИЕНКО

Корней

Судьба одарила меня дружбой с Владимиром Корниенко - поэтом неуёмным и постоянно протестующим против серости и безликости тогдашней нашей жизни. Высокий, мускулистый, горластый, обликом мало напоминающий поэта. Но когда читал стихи, он буквально преображался. И с первых строчек становилось понятно – это явление! Было время поэзии, время Политехнического. В Калининграде поэтические вечера проходили при полных залах. В поэзии искали ответы на главные вопросы жизни.

Первые публикации поэта состоялись на страницах газеты “Калининградский комсомолец”, при которой активно работало молодежное литературное объединение. Руководил объединением Лев Вершинин – талантливый рассказчик, но человек чрезмерно перегруженный своей основной работой – он был директором зоопарка. И когда Вершинин покинул пост руководителя литобъединения, его сменил Корниенко. Он стал руководить секцией поэтов, прозу я взял на себя, у меня к тому времени уже вышел из печати первый выпуск рассказов. Школу молодежного литобъединения прошли многие будущие члены Союза писателей. И среди них такие, как Сэм Симкин, Николай Лесин (Самвелян), Валентина Соловьева, Евгений Вайсман, Вячеслав Евстратов. На занятия литобъединения приходили и местные, и приезжие писатели. Частым гостем был московский поэт Игорь Строганов, стихи которого в свое время одобрил сам Маяковский, а редактором его первой книги был Багрицкий. Человек не без юмора, в одной из своих телеграмм из Москвы сообщал: “Всем объявляю, что скоро я буду в городе Шиллера и Корниенко...” Это было уже признание мастера!

О стихах Корниенко хорошо отзывались тогдашние кумиры молодежной поэзии – Вознесенский, Луконин, Мочалов, Горбовский... В журналах “Юность” и “Смена” появились публикации его стихов. Он был участником нескольких всесоюзных совещаний молодых литераторов. На всех этих совещаниях и конференциях стихи Корниенко никого не оставляли равнодушным. На одном из совещаний в Ленинграде, на заключительном вечере Корниенко прочел свои стихи “Памяти Пастернака”. Когда он только объявил название, зал замер, чиновники от литературы съёжились. Ведь в те годы даже имя Пастернака старались не

произносить. И когда Володя закончил чтение, зал стоя долго аплодировал ему.

В Калининграде, в созданном в 1959 году книжном издательстве, появился новый главный редактор – Инна Кириосова. Она и стала инициатором издания поэтической кассеты, куда вошли первые книги Корниенко, Симкина, Евстратова, Багокина. Была создана общественная редколлегия. Корниенко включил в свою книгу две поэмы – о сыне и “Гарлемский блюз”. В последней всё было узнаваемо: и “дожди, калошный кашель, и рощи, как трущобы” и об отсутствии своего очага: “Дороги спросили: “Рыжий, построишь ли дом для себя!?” Дорогам ответили крыши: “Не строил домов для себя”. И конечно же не о каких-то далеких неграх, а о поэтах: “и как бы ни убивали нас на всех континентах, я знаю: бессмертна и яростна наша красная кровь!” И назвал Корниенко книгу “И как бы ни убивали”. Под таким названием издательство выпускать ее не хотело. Менять же название он категорически отказался. Так и вышла его первая книжка без названия. Было это в 1966 году, через год вышла книга детских стихов “Велогонка”.

Оттепель закончилась, повсюду опять закручивались гайки. Корниенко продолжал открыто читать свои стихи, которые издатели и цензура определила в разряд крамольных. На собраниях в писательской организации, не будучи членом Союза писателей, Корниенко яростно выступал против серости и лакировки в литературе. Было тогда такое правило: местное издательство, прежде чем снести план выпуска книг на согласование в обком партии, присылало этот план на отзыв в писательскую организацию. Здесь этот план и все рукописи обсуждались. Время и место обсуждения тщательно скрывали от меня и Корниенко. Опыт показал местным «мэтрам», что Корней может разнести бездарную рукопись так, что мало не покажется. И вот однажды подошла моя очередь. Мою рукопись должны были тоже рассматривать. Я пришел, естественно, с Корнеем. Большинство мои рассказы хвалило. Но вдруг один из «мэтров» стал делать замечания. И после него встал Корней – и буквально растер в порошок все его замечания. «Кто ты такой, чтобы оскорблять меня!» – возмутился «мэтр». – Что ты понимаешь в литературе!» Корней не смутился и заявил: «Да я Леонова правил!» Все засмеялись. Никто ему не поверил, даже я. Все-таки Леонов считался большим писателем, классиком. И вот много позже, когда очутился у меня архив моего друга, нашел я там письмо от

Леонова, где тот благодарил Корниенко за присланные замечания и заверял, что исправит текст. Корниенко знал цену своим стихам, но никогда не выпячивал себя, амбиции ему были чужды. Лишь однажды, когда умер Корней Чуковский, поэт с горечью произнес: «Теперь один я остался». Один Корней в литературе.

Владимир и в жизни не страшился вступать не только в споры, но и давать отпор. Он заступился за девушку, на которую напали хулиганы, получил удар трубой по голове и долго лежал в больнице с переломом черепа.

Он клеймил повсюду тех, кто идет на сделки с совестью. Стихи его перестали печатать. Мастерство его между тем росло. Стихи отличались не только яростным своим содержанием, но и четкой работой со словом. Иногда это была даже слишком чрезмерная экономия. Он старался использовать незатертые слова, вводил в текст наречия, производимые из прилагательных или существительных: так голос становился «ацетиленен – на искру взорвется», даль звучала «проселочно, как струны под смычком», состояние души могло характеризоваться такими наречиями, как «отлётно»,

«ознобно», «аэродромно» и т.д. Но главное, что нарастало в его стихах – это сопротивление «безумному миру». И несмотря ни на что – оставалась огромная любовь к жизни: «Вот почему пора лететь, летать, пока душа крылата, и, если жизнь не проглядеть, она – прекрасная утрата!» Появились и ходили в списках его «Волки», «Скоморохи», так называемые «Сочастия» – маленькие поэмы.

Стихи эти получили ярлык – «крамола», их прекратили печатать. Поэт замкнулся в себе, стал раздражительным. Последние годы своей жизни провел, уединившись в литовском поселке Плателяй. Там, на сельском кладбище, расположенном на взгорье, откуда далеко видно окрест, он похоронен в 1990 году. На могиле его поставлен памятник, на камне высечены строчки его последних стихов: «Когда душа уступит место смерти, да будет всем – «печаль моя светла». Лучшие его стихи вошли в изданный посмертно сборник «Сочастие».

В представленной подборке стихи «Сочастие другу», «Предназначение», «К портрету А. С. Пушкина» публикуются впервые.

Олег ГЛУШКИН

Слово за флотом

Дали предчувствуют
в этом году
слово за флотом
Так начинал я со слова
ИДУ –
вместе с народом.
Надо – в Одессу
в Москву
в Петербург –
чтобы вращались
древком единым в одну
пятерню
флаги восстаний!
Чтобы – Любимая рядом
и Сын
светлоголовый...
Утром успел посмотреть на часы
В ПОРТ! И – швартовы:
честно: КОМАНДУЮ
ФЛОТОМ. ШМИДТ.
Мучаясь исходом...
Буду расстрелян,
но не убит
ВМЕСТЕ С НАРОДОМ!
Так, презирая филерскую
пьянь,
видел дорогу
под каземат островка
Березань
или к острогу.
Может, примета! –
чернильница та

Свирской княгини –
тщательно склеенная
красота,
обжиг по глине...
Крейсер «ОЧАКОВ»
и письма ЛЮБВИ,
с нами СВОБОДА! –
разве такое в огне
и в крови,
против народа!?
Разве не встретилась
виолончель
с музыкой Баха.
с темными вздохами
русских ночей,
с горечью праха...
НЕКТО бумажку в досье
подошьет,
в части расхода:
«Умник, Каналья!
Из тех ДЕВЯТЬСОТ
ПЯТОГО ГОДА!»
Подлость негласна.
Но вечен ли суд
высшего сброда!?
Знаю: ИЗМЕННИКИ те,
кто идут
ПРОТИВ НАРОДА,
против – нужда
и жандармский почин,
ложь и разиня,
все дармоеды и все ловкачи,
НО НЕ РОССИЯ!
Сверит, прищурясь,
МАТРОС НА ПОСТУ
время в нечетном:
ДАЛИ ПРЕДЧУВСТВУЮТ
В ЭТОМ ГОДУ
СЛОВО ЗА ФЛОТОМ.

К портрету А.С. Пушкина на открытке всеобщего пользования

«Дышу – пишу», - так Пушкину дано,
так пофартило,
что в долговых не числится давно
его квартира.

Все шишкарки – вся мелкота – равно-с
и чохом в Лету...
А предок чей отскрипывал донос
во след поэту!?

«Глаголом жечь...» А Пушкину – в упор
и в бок, под ребра.
Так повезло! Так освящен собор
и так подробно!

Лихая мощь – Любовь и Русский Дух,
ген абиссинца...

«Пора,пора...» - от собственных потуг
толпе взбеситься,
не утешать себя грядущим днем,
добром рогожей!

...о как молчат... не каждый о своем,
но все же, все же...

Под рыжиной – нордический анфас
и прах барьера.
«Я вас любил...» Наверно, и о нас
душа болела.

Предназначение

Предназначение – попросту смерть.
Истине всяческой вредно злещенье.
Слышите? В зернышке предназначенье:
«Только бы солнышку не онеметь...»

С гена любви – расселение душ,
предназначение – предка значение,
каждого – нас – откукует кукуш:

вот почему предрассветной порой
снится спирального блика вращенье:
предназначение... предназначенье...
«Байрон и Лермонтов – крови одной!»

Гении гибнут по воле пройдох.
Дохнут пройдохи, учуяв отмщенье!
Жуткий итог изойти в изречение:
«Предназначение – служба и долг».

Предназначение ночи и дня?
Предназначение камня и воздуха,
брызг океанских и пламени звездного
все двуедино в лице бытия...

Вот защемило, и скручен охват
времени, совести... Крах – излечение?
Вслух изучается предназначенье,
не умещается в книжный формат!

Род человеческий множась, редел
и не случайно сберег излученье
зерен и солнца! И древне-вечернее
«Боже помилуй презревших предел».

Сочастие другу

1

Солнце крутит свои карусели,
а на шарике третьем – Земле –
все

родня

по ребру и скуле,
ОТволосились и ДОлысели;

поскулят о себе на пнях
и – куда-то вперед оравой;
рост

потребностей –

удобняк:

«Сено! – левой – Солома! – правой».

У Земли обнаружен крен...
С точек зрения СВЕРХполушарен
ОТмороженный
будет
ДОжарен,
лишь не ясно во что и с кем,
а ОТжаренному ОТвратно
в морозилку – прощай, Синай!-
Применительно
брат на брата!
Штабелируйся! При! Меняй!

2

Безразмерны пространства и время, -
обусловлена скорость луча,
например,
ОТ поклева леща
ДО поклепа на страсти еврея;
безразмерны любовь и тоска, -
обусловлена серость, как в луже,
НА
пример: ОТ простого носка
ДО простудного носа и глубже;
безразмерны глаза потаскух, -
обусловлена лычка – не спорешь,
нам
пример ОТ умасленных сборищ
ДО мысленок, зардевшихся вслух;
так, захлебываясь и цепляясь,
ДОусловясь добром и злом
без-
раз-
мерная принципиальность
ОТпремьерила «Сен-Солом».

3

Ну, креновости... Студень жарьте,
в лед жаркое – гони овец!
ПРО-
ясняется наконец:
сам ДОлампочкин в арьергарде!
Главной челюстью шкурку брать
со снующих туда-обратно,
проще пареной
с места: «Ать!» -
опереточно и приятно;
полу-женскому полу-мужской,
полу-шляпка и полу-ботинок!
Поло-
умнику
полу – блондинок!...
В кару сели: «На! Упокой!»
Уворачиваемся ОТ крена,
превращая в кулак персты:
«Вам,

ДОлампа
какого гена,
ОТ какой, извините, звезды!?

4

Солнце крутит свои карусели,
а на шарике третьем – Земле –
все
родня по ребру и скуле,
ОТволосились и ДОлысели;
безразмерны любовь и тоска, -
обусловлена серость, как в луже,
НА
пример -
ОТ простого носка
ДО простудного носа и глубже;
по-лу-женскому по-лу-мужской,
по-лу- шляпка и по-лу- ботинок!
По-ло-
умнику по-лу- блондинок!...
В кару сели: «На! Упокой!»

P.S. Ша, Олег Борисович милый,
так ОТныне и всей чепухи
упаси нас, ГОСПОДЬ и помилуй
за грехи и за эти стихи.

* * *

А скоро заплещут закаты,
оплавятся кроны дождем...
Экраны! Спасибо за кадры,
в которых иного не ждем.

Выходим - и люстры потухли –
на сцену пигмеев и звезд.
Освищут!? Но только ли туфли
срабатывают на износ!

Ославят!? Но это наш признак
служить на подмостках у вас,
не веря в шекспировский призрак
и помня тарифы на час.

“За что, понимаешь, платила?” -
зевнет госпоже господин.
А занавес, как гильотина,
с тобою один на один.

И словно последняя птаха,
в последнем лесу — тишина.
И шорох. И плоская плаха
прожекторно ограждена.

Слухач озабочен идейно,
в любом окуляре контраст:

“Не то!” - и законная девка
тебя изумленно предаст.

“Не то!” — за оглядкой оглядка,
искрят о нейлон позвонки —
не верит бюститель порядка,
что галстук и нос - двойники!

Озноб от соборного свода,
не крылья - надзор за спиной,
и лучшему слову "Свобода"
эпитет воткнут площадной!

О, как нам блистательно ввали
с пеленок! Но блажь — фейерверк,
и самоубийством навряд ли
докажешь, что ты человек...

В одеждах Раба и Тирана,
доносчиков или Творца
мы вместе - вселенская рана
и боль за людские сердца;

Под масками Черта и Бога,
любовников или Шута
мы - вместе, к эпохе эпоха,
зерцало твое, Суета!

От имени, хоть по заказу
и шепотом: "Не прекословь", -
мы — Вера, Надежда и Разум
твои, молодая Любовь;

хмелея от Слова и Цвета,
от Гнева и Смеха до слез,
вращается наша планета
меж воплей, огрызков и роз.

А вы, аксельраты недуга,
спасайте себя — в гардероб,
нажраться, упиться, не думать,
в авто-комфортабельный гроб!

Забудут, как двери закроют!
Уходим со сцены. Пора
под кроны, к закату и морю,
к остывшему пеплу костра.

Никто никогда не заменит
любимых и... крайней черты.
Прощайте. Спасибо за берег,
целующий наши следы.

Вячеслав КАРПЕНКО

ЮБИЛЕЙ

Пришла пора юбилеев для шестидесятников. Сколько споров о нашем поколении - все не пересказать. Но то, что были и остаемся романтиками - это безусловно. И самый неисправимый романтик среди нас председатель Калининградского ПЕН-центра и главный редактор журнала Вячеслав Карпенко. Если характеризовать его жизнь одним словом - то это "непокой". За жизнь многое пришлось пройти. Не было только тихой гавани. В Калининграде появился в 1959 году молодым моряком. Был влюблен не только в море, любил жизнь во всех ее проявлениях, а более всего любил слово. Писать начал рано, а вот путь к писательскому признанию был долгим. В молодежной газете стал ответственным секретарем. Редакция выступила с протестом против варварского сноса руин Королевского замка. Карпенко ездил в Москву - искал поддержки у знаменитостей. Обком оказался сильнее. Замок снесли с лица земли, а редакцию разогнали. Пришлось покинуть город. Это был резкий поворот судьбы и, может быть, даже счастливый поворот. Далекая Средняя Азия. Кочегар на высокогорной космической станции, егерь в горах Тянь-Шаня. Тогда все мы были уверены - для того, чтобы писать, надо все испытать самому. Это был завет обожаемого всеми Хемингуэя. Вячеслав этот завет исполнил в полной мере. Потом были книги и работа в журнале "Простор". В тоталитарное время было два источника истинной литературы - "Новый мир" и "Простор". Это была школа высокой пробы. В казахстанских степях зарождались свободолюбивые идеи. Было много ссыльных и отверженных. Судьба свела с творчеством гениального художника прошлого века Сергеем Кал-

мыковым. О нем сделал фильм. Написал "рассказы для романа" - пронзительную прозу о трагедии и величии творца. Опыт жизни вылился в ряд повестей и рассказов о взаимоотношении человека и природы. О личной ответственности за все живое на земле. Рассказы ритмичны, образны. По праву одно из лучших своих произведений "Вожаки" он назвал поэмой.

Свои избранные произведения он собрал в книге "Истинно мужская страсть". Книга эта отмечена дипломом Артиады народов России.

Вячеслав Карпенко не относится к тем писателям, которые стабильно сидят ежедневно за письменным столом. Он многое сделал для выхода книг молодых авторов, выпускал сборник "Молодые голоса", активно налаживал литературные связи с Германией, Швецией, Польшей и Литвой. Издал "Времена года" Донелайтиса на двух языках. За этот труд был удостоен литературной премии имени литовского классика. Вот уже пятнадцать лет прошло с того дня, когда покинул он казахские отделившиеся просторы и опять стал калининградцем. Привез сюда "Другой театр" - театр, соединивший пластику танца и поэзию серебряного века, который создала его жена Алла Татарикова-Карпенко. Представить сегодня культурную жизнь Калининграда без Вячеслава и Аллы невозможно. И вполне понятно, почему именно Вячеслав Карпенко недавно был принят в члены Международной организации русскоязычных писателей (International Federation of russian-speaking writers - IFRW) и стал её официальным представителем в Калининграде.

Олег ГЛУШКИН

Год лошади

Выбора не было, и мы оба знали это.

Серый лежал на боку, мне видна была его спина с тяжёлым кавалерийским седлом. Спальный мешок, обычно переброшенный через седло и прихваченный третьей подпругой, сам собой медленно сползал по осыпи вблизи головы коня. Рюкзак почему-то оказался рядом со мной, хотя он тоже был привязан к седлу. При чем здесь рюкзак? Я пнул его в сердцах и растерянно - чтобы не лез в голову, хотя что это теперь изменит? Вина, в любом случае, всегда всадника... но и эта мысль не ко времени. Серый!

Серый поднял голову, по горлу его прошла судорога, он выдохнул тяжело, но почти беззвучно: «Й-ы-ххх». Коричневый его глаз, обычно даже лукавый, смотрел на меня без надежды. Может, он не понимал ещё? Или? У спины коня остановившейся волной собрался гравий. Шуршали небольшие окатыши, догоняя медленно оплывавший книзу язык осыпи, который будто осторожно спускал Серого ко дну щели. А это?..

Задняя нога коня была неестественно вывернута, правое копыто виднелось из-под крупа возле разметававшегося хвоста. И несколько репейников

вцепились в хвост... да стоп же! Подкову на эту я сменил совсем недавно, она еще черновата от окалины, лишь чуть поблескивает — не успела даже сбиться как следует... не успеет уже. Чушь какая! Я ведь понимал, что Серый больше не встанет и отсюда его не поднять. Сейчас к нему придёт боль, и он тоже будет знать. И будет смотреть на меня этим коричневым своим глазом, и слеза выкатится. Кони всегда чувствуют безнадёгу. Рукой я проверил кобур, хотя не представлял себе, как это сделаю...

Я присел на край тропы, с которой почему-то оступился Серый, а мне повезло: потому что я сидел в седле боком и без стремян, и ничего не предвещало падения... сколько подобных троп мы с ним прошли!.. Осыпь расступилась под ним, конь шарахнулся, медленно стал заваливаться, оползень мягко перевернул Серого раз-другой, потом, казалось даже и осторожно, потащил вниз замедляя скольжение собирающимися под животом гравием. А я тупо смотрел вслед и ничего не мог поделать. И вот...

Серый, Серый... мне так хочется поверить в чудо! Что-то ведь должно произойти, разве жизнь может оборваться так нелепо? Серый ты мой конь, мне так хочется заплакать: это-то я знал — чуда не будет. Потому что до ближайшей юрты два перевала и пешим, а уже сумеречно, и вороны вон расселись на деревьях, быстро накличут волка... как уйду. Чуда не будет.

А как безмятежно было то время, когда в чудо верилось искренне и безоглядно, и с этого было прекрасно начинать жить...

И серый конь смотрел на меня со стола, а я верил, что он, конечно же, поедет вместе со мной! Верил, хотя и не понимал, почему взрослые так торопливы и почему так срочно надо собираться и куда-то ехать на вокзал... так срочно, что даже не могу забрать своего лихого Серого (в яблоках, как же я помню эти тёмные «яблоки» на боках, так старательно прорисованные, каких и не бывает вовсе у живых лошадей — но это позднее знание!). Нет, говорят, сейчас нельзя забрать его с собой. И приходится верить этим взрослым, тем более, что они и не родственники даже — соседи. А няня Поля вышла куда-то и её нет. «Она догонит, ты не беспокойся малыш. И лошадку твою приведёт», — говорят они. И хотя я ещё цепляюсь за ножку стола, на котором стоит мой скакун с седлом, настоящими стремянами и настоящей уздечкой, ещё пытаюсь крикнуть, что нет, не пойду без... но уже сопротивление моё погашено их обещанием и непрекращаемой верой в чудеса.

Где папа? Где мама? Я привык без них и спокойно относился к тому, что они часто и надолго уезжают, оставляя меня с няней Полей. Мама приезжала чаще, всегда что-то вкусное и сладкое привозила, она строго разговаривала с няней, но была тёплая, от неё сладко пахло. «Ещё бы, — ворчала няня Поля. — Таки отдухи тильки во Львине

и бачут». И отца я любил без тоски: за то, что у него такой ремень со звездой на пряжке и портупея, а главное — он привёз мне такого замечательного коня. На коне можно было лететь на врага, раскачиваясь вперёд-назад и слушая нянькины испуганные причитания: «Ведь обернёс-си во час! Вот головку-т сломат, что мне тодди?!» Няня была «кацапка», она пыталась говорить, как все, но когда волновалась, получалась и вовсе тарабарщина. Как она оказалась в Харькове и в нашей семье, я так никогда и не узнал. И это была моя первая в жизни утрата...

И серого своего в яблоках коня, так и оставшегося для меня на всю жизнь стоящим на столе, словно готовым вот сейчас соскочить и помчаться следом, а потом нести меня, нет, того коня я больше никогда не увидел. Потому что соседи, не дожидаясь няни Поли, спешили со мной на вокзал. Потому что уже шла война. И, оказывается, она была близко.

Незадолго до этого дети, даже самые маленькие, но уже умеющие бегать и кричать, играли в войну. Во дворе громко спорили из-за места в игре: все хотели быть «красными командирами», а вот «белополяком» или «желтопузым» — то есть японцем — становиться не хотел никто. За «красного кавалериста» во дворе порой доходило до драки. Меня, конечно, туда няня отпускала редко и только в собственном сопровождении. Зато я мог в стороне надувать щёки — «он сын красного командира», сообщала двору Полина. На гам, «засады», «разведку боем» и сами «бои» я смотрел в окошко. И размахивал саблей, раскачиваясь на своём коне. Потом окна вдруг стали закрывать, стекло зачем-то крестом заклеивали бумажными полосами. Няня принесла несколько телеграмм, она шелестела деньгами, пересчитывая, хваталась за вещи, пришивала внутри моей шубки карман: «Документ твой, малыш» — поясняла. А после причитала: «Как же я доберуся у тот Херсон. И каку-таку бабушку Нину Миколаивну там искать!». Было весело.

Я никогда до этого не видел столько народа, потому что в свои пять лет не ездил на поезде. Только на трамвае — к маминому брату, где был дом, а в саду росли груши, которые назывались «дули». И сладкий сок этих «дуль» стекал на подбородок, а мама его вытирала, чтобы не обрызгать пышный бант на моей шее, которого я стеснялся, как и коротких штанишек с чулками-«гольфами», привезёнными «аж с самого Львива».

А теперь я цеплялся за юбку соседки «тёти Галю», натываясь на чьи-то ноги и боясь потеряться в этой вокзальной гудящей толпе. Тётя тащила огромный баул, другая — бабушка — какой-то круглый узел и ещё несколько «оклунков» — «та здесь же еда, как это кинуть!». И при них ещё большая толстая девчонка Люська, она косилась на меня, исподтишка подталкивая вперёд одной рукой, потому что вторая тоже была занята узлом. Было холодно и сыро, мои белые бурки уже заляпа-

лись грязью, и я давно бы заплакал, если бы здесь была няня. Потом появился здоровый дядька в железнодорожной форме – это я потом понял, что он железнодорожник, потому что он расталкивал всех впереди и объяснял, что у него какая-то «броня» и он имеет право, да ещё везёт сына командира: «Они с женой там воюют, а дитё на нас довели!». А в вагоне было душно и тесно. И тоже стоял гомон, и кто-то громко звал: «Оксана, доню, та где ж ты?» - «Та успокойтесь, мамо», - звенело с другого конца вагона. Поезд дёрнулся, засвистел паровоз. Поехали.

«А няня? – прошептал я, дёргая тётю Галю. – Мы в Херсон едем?» - «Тю, який такий Херсон! На Урал, мальчишечка, с заводом мы... Вот пожуй пока». Она сунула мне сайку, а я хотел пить, но не решался это сказать.

...Я смотрел на сползающего по гравийно-глиняному языку Серого и примеривался, где можно спуститься в каньон. Бока его опускались метров на сто, надо было идти в обход, чтобы спуститься к оползнию. Но как только я отходил, Серый начинал ржать, уже наверное пугаясь своей обреченности. Я возвращался, садился в поле его видимости, закуривал очередную сигарету. И уводил глаза от его поглубевшего от боли взгляда.

Человек никогда не может остаться в этом мире один, даже если очень этого хочет. Каждый шаг его неминуемо что-то меняет в окружающем, пусть не всегда заметно, однако – меняет. И в природу чаще всего человек приходит – разрушителем. Даже когда нет войны... О чем это я? Да, принимать на себя решение, отвечая за иную жизнь, груз нелёгкий.

А поезд уходит всё дальше, и я прижимаюсь к тёте Гале, а она подсаживает меня к окну, за которым мелькают в морозящей сетке дождя хаты: «Гляди там». Я веду пальцем по стеклу холодную каплю. А думаю о своём сером конике, который может быть не забыла взять няня Полина и теперь где-нибудь на остановке она меня найдёт, а я оседлаю серого. И еще вспоминаются слова дядьки об отце, он конечно же сейчас воюет, а потом они с мамой приедут за мной, и мы вернёмся домой. С этими мыслями я и уснул, уткнувшись в колени этой толстой девчонки, которая тоже дремала, откинувшись к стенке. Во сне было светло и пахло мамиными духами. И перестук колёс вовсе не нарушает эту сонную тишину.

Внезапно её разрывает непонятный грохот и крик: «Ой, мамочки! То ж фашисты!»...

Видимо, это уже утром случилось, но очень рано. Поезд, словно подталкиваемый этим гудом с неба, мчался всё быстрее, и колёса теперь перестукивали дробно, словно зубы стучали от холода: «так-та-та-та-так-та-так...». Это я запомнил: самолёта не было видно, и солнца еще не было или скрывалось за тучами, а рядом с поездом по земле летела тёмная крылатая тень. Оказывается, здесь уже не было дождя, зато лежал снег. Он был

не белый, а голубоватый, словно подсиненный, и по снегу ползла эта мрачная тень. И здесь вдруг в стороне от поезда грохнуло, и вверх поднялась целая стена земли, это было неожиданно и грязно, а вагон наш будто подпрыгнул от удивления, но потом покатил дальше, еще дробнее постукивая колёсами. Снова грохнуло, уже ближе и впереди, а по крыше застучал град. «Чого ж они робят! - сорвался голос, даже и непонятно чей. - Мужики-и!». А дядек здесь почти и не было, наш же здоровый дядя Семен встал во весь рост, зачем-то развёл руками, словно извиняясь, и прижал к себе толстую Люську.

В окошко мне почему-то увиделся паровоз. Состав изогнулся, как на игрушечной дороге, идущей по кругу. Мне увиделись паровозные колёса – они крутились быстро-быстро, словно старались одни убежать из-под паровоза. А он цеплялся за них изо всех сил, черный дым пыхал из трубы, и клубы его сразу размётывались клочьями. Как вдруг... это вот «вдруг» навсегда врезалось в память: новый удар так резко тормознул наше движение, что я перелетел через проход на сидящую напротив тётю Галю. Её тело обмякло, а вагон под нами несколько раз дёргается, словно прыгает на месте, и останавливается. Мужская рука отбросила меня назад, на место, Семён наклонился над ней с причитаниями: «Галю, Галю, ты что?.. сомлела ...» Он хлопнул несколько раз по щекам, пока мы не услышали: «Ну хватит тебе, живая я... маму догляди». Бабушка сидела рядом очень спокойно и как-то совсем недвижно, а Люська держалась за её руку, и глаза у неё стали круглыми, как у совы. Метнувшийся к ним дядя Семен открыл передо мной окно, я привстал и увидел, как паровоз всего с несколькими вагонами поднимается на всхолмие.

Видениям детства, пережитым, придуманным ли, или прожитым в позднем пересказе, свойственно возвращаться запечатлённой навсегда кинолентой. Вот помню же и через столько десятилетий лицо того румынского пленного – не солдата, нет, скорее унтера или какого-нибудь младшего офицера – помню его ледяной взгляд и тонко кривящиеся губы. Это уже года два после войны, уже мать давно нашла меня в детдоме где-то под Новосибирском и привезла меня с маленькой сестрой на Урал навсегда, потому что отец уже погиб... Я бегал в школу, а пленных румын возила на стройку старая полупортка, в кузове которой у кабины еще торчала труба «дровогенератора», хоть и давно мотор её вернулся к привычному бензину. И мы повисали на низком борту той полупортки, чтобы по пути доехать до школы. Стоял мороз, и руки заочене-ли даже в варежках, и потому наверное было ещё больней, когда он ногой в сапоге ударил по пальцам и я свалился на укатанную дорогу. Зачем ему это надо, тому румыну?.. Война? Так она давно закончилась, даже немцы уже ходили расконвоированными, и прикармливали их без злости русские вдовы за домашнюю работу. Человек, это очевид-

но, не может долго находиться в ожесточении, в памяти ожесточенной. Иначе он сойдёт с ума. Да и само человечество вымерло бы, не будь дана ему защита, зовущаяся в народе незлопамятливостью.

...По снежно-серому полю у замерших и обрушившихся с откоса вагонов растекались люди, а паровоз игрушечно перевалил холм и исчез. Захваченные общей паникой, мы тоже выпрыгивали из вагона, а дядя Семен спрыгнул с неподвижной бабушкой, на лице которой застыла кривоватая усмешка. Её смерть они осознают позже, и рыдать будут позже. Потому что сейчас всеми овладел страх и непонимание, которое обращало страх в ужас. Черный самолёт под солнцем не полетел за паровозом. Он ревел, делая широкие круги над мечущимися людьми, над скособоченными и где-то дымящимися вагонами. И татакал из пулемётов, наверное, уже просто забавы ради, потому что, как потом говорили, это уже почти никого не задело. И улетел, приветно покачав крыльями.

Сразу наступила тишина, в которой тем слышней текли причитания, детский плач и отдельные выкрики, похожие на команды. Дядя Семён положил бабушку прямо на серый снег, о чем-то наклонился к тётке Галю и побежал к дымящимся вагонам. Мы с Люськой, или я – за ней, зачем-то побрели следом, а тётка нас не остановила. И опять это – «вдруг».

Такого крика-вопля-стона я больше никогда в жизни не слышал на протяжении более полувека будущей моей жизни... Он притягивал к себе и заставлял испуганно втягивать голову в плечи, даже не озираясь. Память ли это, рассказ ли поздний, но я увидел эту женщину на снегу, её почерневший в крике рот и какие-то белёсые глаза под исчерна-изогнутыми бровями и чистым лбом. Уже не женщину – её половину, почему-то живую, хотя на носилках-то лежала одна «победренная натура» - это я потом, уже взрослым пытался назвать словами

состояние раздробленного тела. И над этим криком наклонилась женщина в форменном ватнике, пытаясь что-то сделать, хотя кровь медленными толчками вытекала из-под её рук прямо на снег. «Отпусти... убей...о-отпущ-сти...сестра», - хрипел среди боли голос. «Я военврач, потерпи», - говорила военная, и бинты, и руки её дымились чужой кровью. «Да отпусти же... не могу же!» - вдруг ровно-серым голосом четко произнесла раненая. И вот это врезалось мне в память сначала детским любопытством, а позже – окатывающей холодом жутью. Не по истерзанной даже красоте, а за того военврача, который решился с этим жить дальше...

Женщина в форме выпрямилась, на секунду замерла, словно дожидаясь и утверждаясь в новом крике боли. Потом зачерпнула снег, растёрла его, порозовевшего, в руках и отряхнула. Она расстегнула кобуру, висящую на бедре и вынула револьвер. Точно помню – револьвер, он был массивен в её руке и гляделся тяжёлым. Рука с револьвером опустилась вниз. «Ну-у...», - скривились губы на носилках. И щёлкнул взведённый курок. Стоящие рядом два железнодорожника, еще какие-то люди отвернулись. И глухо хлопнул выстрел из уткнувшегося в бок ствола.

То была ведь война. Самое её начало. Конечно, детство на этом не кончилось, спустя три года мы с приятелем даже убегали в поезде на восток, на войну с японцами, пусть и не очень далеко, всего на несколько станций. Не кончилось детство. Но чудесных чудес в нём уже не оставалось.

...А бедный мой Серый конь был обречён. И я знал уже, что должен это взять на себя и не длить его боли и ужаса. Пока живые, мы и чужую боль должны уметь принимать в себя... К кордону, на котором я жил и работал эти годы, я подходил почти через половину суток. Один. Кавалерийское седло, пахнущее Серым, было тяжёлым.

Как сама память.

Инициатива МФРП

Наши коллеги за рубежом ведут пропаганду русской культуры

В апреле в городе Жуковском на комбинате художественного литья ООО «ЛитАрт» состоялась торжественная церемония отливки первых четырёх бюстов А.С. Пушкина для их дальнейшей установки в различных регионах мира.

Заказчиками бюстов является Международная федерация русскоязычных писателей (МФРП) и Международный общественный фонд «Мир без войны». Причём сегодняшняя отливка – начало большой работы по активной пропаганде русской культуры за пределами России, согласно разработанной уникальной Международной спецпрограмме МФРП «Всемирное культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык».

Присутствующие на торжественной отливке

смогли увидеть все стадии превращения бронзы в готовую продукцию.

Высота каждого бюста – 1,1 метра. Масса около 200 кг. Они будут установлены на гранитные двухметровые постаменты.

Отлитые в Жуковском бюсты – абсолютно идентичны. Они – дань уважения и, одновременно, средство, при помощи которого МФРП намерена привлечь общественное внимание в России и за рубежом на русскую культуру и русский язык.

Первый памятник серии будет установлен торжественно открыт 6 июня, в Москве. Счастливым обладателем бюста станет Государственный институт русского языка, носящий имя поэта и находящийся по адресу: улица Академика Волгина,

дом 6. К этому дню Римма КАЗАКОВА - выдающаяся поэтесса, член Совета попечителей МФРП, написала слова к Гимну Международной Федерации русскоязычных писателей. Музыку к Гимну написал член Правления МФРП поэт и композитор Геннадий Норд. Целый ряд известных исполнителей, эстрадных и симфонических коллективов, в т.ч. дважды Краснознаменный Ансамбль песни и пляски им. Александра, выразили желание исполнить Гимн МФРП. Впервые он прозвучит во время торжественной церемонии открытия памятника А.С. Пушкину.

Таким образом, работа по мемориализации начнётся именно с города, в котором в 1799 году родился великий русский поэт, а затем перешагнёт на территории других стран и континентов.

Остальные три памятника будут также установлены до конца 2008 года. Причём один – в Венгрии (перед зданием института Кароя Роберта в пригороде Будапешта), другой – в Польше (на территории Университета имени Адама Мицкевича в Познани). Ещё один памятник будет торжественно открыт на территории Подмосковья (естественно, в том месте, которое связано с именем и жизнью поэта).

После положительного завершения переговоров, которые ведутся между МФРП и представителями различных стран мира, ожидается, что памятники появятся, например, в Греции, Камеруне, Панаме, Бенине, Никарагуа, Аргентине, Вьетнаме, Конго, Мали и других странах. Торжественные церемонии открытия памятников будут сопровождаться литературными фестивалями.

Напомним, что в день памяти великого русского поэта, 10 февраля, в Москву из канадского Монреаля была доставлена силиконовая форма, снятая со скульптуры главного российского поэта, выполненной Леонидом Ватником по мотивам знаменитого портрета Пушкина работы Василия Тропинина.

С помощью полученной силиконовой скульптурной формы, изготовленной при помощи безусадочных силиконовых формовочных материалов, передающих весь рельеф поверхности скульптуры, в будущем можно отлить столько бюстов Пушкина, сколько потребуется. Международная федерация русскоязычных писателей (президент, председатель правления - Олег Воловик) готова и открыта к сотрудничеству, она ждёт предложений

от любых стран, которые желают протянуть России руку дружбы и закрепить культурные связи, приняв памятники русским литераторам.

В рамках совместной программы Международной Федерации русскоязычных писателей и Международного общественного фонда «Мир без войны» под наименованием «Всемирное культурное наследие, фундаментальные ценности и русский язык» планируется увековечение памяти других писателей. МФРП намерена устанавливать в разных странах мира памятники, бюсты, мемориальные доски выдающимся поэтам и прозаикам, литературным переводчикам и драматургам, чьё творческое наследие на русском языке является всемирным достоянием, неотъемлемой частью мировой культуры. Это будет способствовать повышению авторитета русского языка и русской культуры.

В ближайшие годы в рамках программы федерации закладные камни в основание будущих памятников, а также сами памятники и бюсты русскоязычным литераторам будут установлены в нескольких десятках стран ближнего и дальнего зарубежья. Кроме того, в России планируется устанавливать памятники литераторам, чьи произведения, переведённые с иностранных языков на русский, являются органичной частью мировой и российской культуры.

Справка: Международная Федерация русскоязычных писателей в настоящий момент насчитывает около 500 членов из 52 стран мира (не считая членов ассоциированных общественных и других организаций).

МФРП консолидирует гуманитарное пространство русскоязычного мира, способствует взаимной поддержке и защите профессиональных интересов, сохранению приверженности к языку, расширению и укреплению многогранных связей и творческих контактов, культурному многообразию, повышению социальной значимости русскоязычной литературы. Можно сказать, что МФРП объединяет всех, кто признаёт своим Отечеством русский язык.

Римма КАЗАКОВА

19 мая ушла из жизни Римма Казакова. Первый секретарь Союза писателей Москвы, член президиума МФРП. Её поэзия согревала душу нескольких поколений, песни на её стихи становились народными... Они не умрут, пока жива Россия. Великолепный поэт, общественный деятель с душой, ранимой чужими бедами, как своими... Красивая

женщина, освещённая и освятившая Любовь... Это - ещё одна невосполнимая утрата русской культуры, русской словесности. Но Словом жив народ. И потому Художник живёт в памяти народной.

Одним из последних произведений Риммы Казаковой стал гимн МФРП.

Калининградский ПЕН-центр.

ГИМН

Международной Федерации
русскоязычных писателей:

В мире так много разбито, разрушено...
вместе со всеми плетём жизни кружево
и открываем внезапно в себе:
В играх судьбы мы не станем игрушкой!
Вот наш исток: мы наследники Пушкина.
Скажем за это спасибо судьбе!

Припев:

Где б ни пришлось нам по свету скитаться,
Но одного не забыть ни на миг:
С Родиной нам никогда не расстаться!
Наше Отечество -
Русский язык.

Любим Париж, и горды Барселоною,
Нам Будапешта проспекты зелёные
Стали родными, как Брест и Москва.
Пусть же сияют, бессмертно и молодо,
В финском кафе и на улицах Лондона
Русские наши простые слова!

Припев:

Где б ни пришлось нам по свету скитаться,
Но одного не забыть ни на миг:
С Родиной нам никогда не расстаться!
Наше Отечество -
Русский язык.